ИСТОРИЯ ЗАВОДА «КРАСНОЕ СОРМОВО»

ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК РЕВОЛЮЦИИ

Яков Карпович
КОКУШКИН

Н. Новгород - Сормово
2016

Яков Карпович Кокушкин

Маргарита ФИНЮКОВА

ЕГО ЖИЗНИ ХВАТИЛО БЫ НА НЕСКОЛЬКО БИОГРАФИЙ

К 120-летию Я.К. Кокушкина

Потомственному сормовичу, члену партии большевиков с 1917 года, участнику Гражданской войны в Приморье, пенсионеру союзного значения Якову Карповичу КОКУШКИНУ не довелось увидеть Владимира Ильича Ленина. Но в монументальной скульптурной композиции на нижегородской площади, носящей имя Ленина, оба они, отлитые в бронзе, стоят рядом: вождь, как и положено, на высоком постаменте, а Яков Кокушкин — в образе бойца революции в будёновке и со знаменем в руке. В конце декабря 2012 года исполнилось 120 лет со дня рождения Я.К. Кокушкина.

ЯНЬКА

«Кто рано-рано зажигает солнце, когда Янька ещё в постельке?

«Бох!» - говорит Мамаша. О боге Яша уже знает. Он в тёмном углу подвешен, в киоте, за стеклом от мух, а чтобы его лучше было видно, горит лампадка.

- Мамаша, а как он на небо залезает?

- Яшка, дурачок! Он на небе и живёт, а это его святой образ.

- На чём земля держится?

- На трёх китах. Так по Писанию. Пошевелится — земля трясётся.

- Так киты-то на чём?

- На воде.

- А вода на чём?

- На земле.

- А земля?

Мамаша сердится:

- Что ты, Янька, то только Богу известно.

- А за Сормовом что?

- Нижний.

- А за Нижним?

- Там, поди, Москва.

- За Москвой?

- Тут уж край света...»

Так начинается автобиографическая повесть о детстве, написанная Я.К. Кокушкиным, как первая глава романа «Весна человечества». Беззаветно преданный идее «светлого будущего», он всей своей жизнью, каждым её часом приближал эту «весну».

Любознательный Янька, беседующий с Мамашей о мироздании, и предположить не мог, что побывает он и в Москве, и «на краю света» - на дальневосточных рубежах России. И что за его долгий век (а он прожил 93 года) земля вздрогнет — и не раз - не по прихоти «трёх китов»...

ПОТОМОК СТАРООБРЯДЦЕВ

Яков Карпович Кокушкин — потомок старообрядцев, которых ещё с крепостных времён собирал по всей России для работы на Сормовском заводе его основатель, Дмитрий Бенардаки. Прадед Якова, Иван Кокушкин, был привезён из Ярославской губернии и работал мастером судоямы.

- Бенардаки искал трезвых рабочих и находил их среди старообрядцев, - рассказывает дочь пенсионера союзного значения Карманьола Яковлевна Московкина. — В Сормове приверженцев старой веры жило немало, даже старообрядческое кладбище было в районе Комсомольского посёлка.

Сегодня Карманьола Яковлевна является, пожалуй, главной хранительницей памяти о своём легендарном отце. Сама она — по образованию конструктор, по профессии — проектировщик, патентовед, групповод, по увлечениям молодости — аквалангистка и мотоциклистка.

Карманьола Яковлевна помнит рассказы родителей о дедушке — Карпе Ивановиче. С 15 лет он - на Сормовском заводе, подавал заклёпки клепальщикам. Сборке пароходных машин учился у механика завода Калашникова. Грамоту постиг самостоятельно. Где бы ни трудился, хозяева - Курбатов, Башкиров - были довольны механиком-самоучкой. Ценили не толь-

ко его светлую голову и золотые руки, но и то, что был он «гораздо к вину непреклонен». В жёны Карпу сосватали Палагею Красильникову, девушку из старообрядческой семьи. Их дом стоял на Сенной площади. Для сормовича было престижным взять жену из города.

ИГРАЛ НА СКРИПКЕ, ПИСАЛ НА ЭСПЕРАНТО

В семье Палагеи и Карпа Кокушкиных дети рождались часто, но многие умирали в младенчестве. Янька родился в 1892 году. В Сормове семья жила на Узкозоводской улице (нынешней улице Свободы). Яков окончил Канавинское училище, где в своё время учился Алеша Пешков, будущий Максим Горький. Учился хорошо — каждый год с похвальной грамотой.

С юности и в течение всей жизни занимался самообразованием. Обладал математическими способностями. Изучил эсперанто (международный искусственно созданный язык), на этом языке вел дневник, а в годы службы в армии переписывался с братом. Самостоятельно выучился играть на скрипке. Этот талант пригодился, когда его взяли в оркестр Клуба служащих Сормовского завода, и практически спас от японского плена во Владивостоке.

Яков Карпович рассказывал дочери, что как революционер он родился, став свидетелем гибели героя революции 1905 года Виктора Шимборского. На глазах 13-летнего подростка из здания близ главной проходной завода, где находился жандармский пристав, вывели группу арестованных участников «беспорядков». Шимборский, известный как ярый пропагандист и пламенный оратор, что-то сказал конвоиру. Тот ударил его прикладом. Шимборский побежал, раздался выстрел… Всё это потрясло Яшу и оставило в душе память на всю жизнь. Уже в 1960-е годы по предложению Я.К. Кокушкина имя Шимборского было дано одной из улиц Сормова.

НА КРАЮ СВЕТА

После училища Яков Кокушкин работал в бухгалтерии Сормовского завода. Его ценили за добросовестность, аккуратность и красивый почерк.

В 1914 году молодого человека призвали в армию. Служил во Владивостоке, в артиллерийском полку. Он, простой солдат, вёл всю полковую бухгалтерию, обучал неграмотных письму и арифметике.

На агитплакате 1960-х годов, посвященном истории партии и революционного движения в Дальневосточном крае, выделяется портрет молодого мужчины с ясным взглядом и аккуратной бородкой. Под ним подпись: «**Кокушкин Я.К.**, член КПСС с 1917 года. В революционной борьбе в Приморье принимает активное участие с первых дней февральской революции. В 1918 году — член редколлегии нелегальной большевистской газеты «Красное знамя». В 1920-м — уполномоченный Дальневосточного крайкома партии в Военно-революционном комитете Никольска-Уссурийского, председатель уездкома, военком Анучинского партизанского района. В 1921 году руководил нелегальной партшколой во Владивостоке. В 1922 году — член Военного Совета партизанских отрядов Приморья».

За этими строками официальной биографии — год пребывания в концлагере интервентов, где он чудом избежал расстрела, побег, жизнь на конспиративной квартире (его подпольная кличка — «Клеточка»), бои с каппелевцами, знакомство с будущим известным писателем Александром Фадеевым. У Фадеева есть рассказ «Рождение Аргунского полка». Главный герой рассказа «списан» автором с Якова Кокушкина. Его именем в Приморье называли пионерские кружки и дружины.

СНОВА – СОРМОВО

На родину Яков вернулся, когда во Владивосток вошёл Блюхер, и город стал, по выражению Ленина, «нашенским». А.А. Жданов, который с 1924 по 1934 год был секретарём Нижегородского губкома, а затем краевого комитета ВКП(б), направил Я. Кокушкина на культработу — в ДК им. Свердлова. Есть в биографии нашего героя страницы, связанные с работой на Горьковском автозаводе и Ижевском металлургическом комбинате. А потом — снова Сормово, где его назначают инструктором райкома партии.

В Сормове Яков Карпович женился на Ларисе Васильевне Московкиной, работавшей управделами в Сормовском райисполкоме. В 1941 году она окончила Горьковский медицинский институт, стала хирургом. Её отец, В.А. Московкин, был ведущим конструктором на заводе «Красное Сормово».

- Между родителями была договорённость, - вспоминает Карманьола Яковлевна. - Сыновья будут носить фамилию отца, а дочери — фамилию матери.

Первую дочь назвали Искрой, вторая — Карманьола — в качестве имени получила название революционной песни и танца времён Великой французской революции. Одного из сыновей назвали Мэлс (аббревиатура: Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин), другого — Мир. Разница между старшей дочерью и младшим сыном составила 25 лет.

ПАРК, ДВОРЕЦ, БУЛЬВАР И МНОГОЕ ДРУГОЕ

Я.К. Кокушкину принадлежат идея и инициатива создания заводской многотиражки «Красный сормович» и сормовского радио, строительства парка, Дворца культуры и стадиона, Юбилейного бульвара и канала вокруг парка.

Один из его аргументов в пользу строительства Дворца культуры звучал так: «Мы уничтожили церкви, народу надо что-то дать взамен». Выбирая место для стротиельства, он провёл опрос сормовичей через газету: где бы им хотелось видеть свой ДК. Место было выбрано с учётом пожеланий трудящихся: близ Дарьинского леса. Ответственным за строительство Дворца, которое завершилось в 1930 году, а затем его директором был назначен Я.К. Кокушкин. Но не были обижены и окраины Сормова — Починки, Копосово и Большое Козино тоже получили свои культучреждения — рабочие клубы.

Дворец вполне соответствовал своему названию.

- В конце 1920-х годов была проблема с кирпичом, - продолжает рассказ Карманьола Яковлевна. — Тогда ломали лабазы Нижегородской ярмарки — этот кирпич и использовали для строительства Дворца. Отец оформлял и меблировал Дворец по своему вкусу. Он лично ездил в Ленинград и привёз мебель, зеркала, вазы из обстановки Зимнего дворца. И даже зеркало из кабинета Николая II — по всему периметру его обрамляли отлитые из стекла львы…

Во время войны Я.К. Кокушкин занимался партийной работой на заводе «Красное Сормово». К нему с большой теплотой относился директор завода Е.Э. Рубинчик. С тех времён сохранилась алюминиевая кастрюля, которую, по семейному преданию, Яков Карпович собственноручно отлил в одном из заводских цехов. В ней он варил себе обед — «отборную», самую мелкую картошку. На пенсию Кокушкин вышел в 1952 году. Но идеи о том, как благоустроить Сормово, его не покидали. Мысль о строитель-

стве Юбилейного бульвара родилась давно, но осуществлена была только к 50-летию Октябрьской революции. Яков Карпович руководил строительством на общественных началах.

В 1968 году Я.К. Кокушкину была установлена персональная пенсия союзного значения. А годом ранее он стал кавалером Ордена Ленина. От положенных ему при этом 500 рублей Яков Карпович отказался.

- Он не любил деньги, - пояснила дочь персонального пенсионера.

ОН НЕ ЛЮБИЛ ДЕНЬГИ

Яков Карпович делал взносы в различные фонды, помогал трудным подросткам, десятилетиями материально поддерживал своих товарищей по дальневосточному подполью, семьи погибших — «своих не бросал», порой отрывая от семьи. Десятилетиями носил одну и ту же одежду.

Много лет он, жена и четверо детей ютились в 18-метровой комнате. Он отказывался хлопотать об улучшении жилищных условий, чтобы ни у кого не было повода упрекнуть его в «использовании служебного положения». Яков Карпович считал, что его дети всего в жизни должны добиваться сами. Дверь в его квартиру не запиралась никогда, был ли он дома или нет. Люди шли к нему за помощью, за советом.

Он основал и возглавил в Сормове клуб «Трезвость». Писал письма в правительство: «Неверная политика — спаивать народ». Умирая и мучаясь от раковых болей, отказывался от наркотиков, желая своей жизнью доказать, что человек может обходиться без дурмана — хоть алкогольного, хоть наркотического…

В 1960-е годы ленинградский скульптор Ю.Г. Нерода создавал для города Горького памятник вождю пролетаритата. Большевика со знаменем он лепил с Я.К. Кокушкина. Ему выписывали специальную командировку в Ленинград, чтобы позировал скульптору.

- Выбрали его тогда в качестве модели для скульптуры как самый обобщённый тип революционного человека, - пояснила Карманьола Яковлевна.

…Будете на площади Ленина — обратите внимание на скульптурное изображение человека в будёновке. Это наш земляк Яков Карпович Кокушкин, жизнь которого могла бы послужить сюжетом увлекательного романа. А для Сормова им сделано столько, что хватило бы на несколько биографий.

Маргарита ФИНЮКОВА

ПРИБЛИЖАВШИЙ ВЕСНУ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В музее истории завода «Красное Сормово» стартовал историко-краеведческий проект «Патриоты Сормова». Его открыл устный журнал «Приближавший весну человечества», посвящённый Я.К. Кокушкину (1892-1984).

История и человеческая память сохранила немало имён людей, которые искренне и горячо любили Сормово и Сормовский завод. Людей, кто с гордостью носил имя сормович, кто всей своей жизнью, сердцем, мыслями, делами служил Сормову, прославлял его своим трудом. Проект «Патриоты Сормова» призван воздать должное этим людям, послужить делу сохранения доброй памяти о них, воспитанию молодого поколения в лучших сормовских традициях.

Устный журнал «Приближавший весну человечества» был посвящён **Якову Карповичу Кокушкину** — потомственному сормовичу, участнику гражданской войны, члену партии большевиков с 1917 года, работнику завода «Красное Сормово», кавалеру ордена Ленина, организатору многих преобразований в Сормове. Он стал прототипом комиссара в одном из рассказов Александра Фадеева, с него скульптор Юрий Нерода ваял образ бойца революции в будёновке и со знаменем в руке в монументальной скульптурной композиции на нижегородской площади, носящей имя Ленина. Жизнь Я.К. Кокушкина могла бы послужить сюжетом увлекательного романа или телесериала. А для Сормова им сделано столько, что хватило бы на несколько биографий.

Мероприятие в музее собрало более 60 человек, ветеранов «Красного Сормова» и тех, кто работает на заводе сегодня. Присутствовали также представители средств массовой информации, областного архива, учреждений культуры. Большую помощь в подготовке устного журнала оказала ЦРБ им. 1 Мая.

Собравшиеся познакомились с медиа-презентацией, которая охватила период с середины XIX века до конца века XX: с тех времён, когда в Сормове появилась семья Кокушкиных — до последних дней и деяний самого яркого представителя этой рабочей династии. Медиа-презентация ярко и рельефно представила незаурядную, многогранную и одарённую личность: Яков Кокушкин с юности и всю свою жизнь занимался самообразованием. Обладал блестящими математическими способностями, безусловным литературным дарованием, о чём свидетельствует его биографическая повесть «Янька» (первая часть незавершённого романа «Весна человечества»). Изучил эсперанто (международный искусственно созданный язык), вёл на нём дневник и переписку. В молодости выучился играть на скрипке. После окончания слободского Канавинского училища работал в бухгалтерии Сормовского завода. Его ценили за добросовестность, аккуратность и красивый почерк. В 1914 году Якова призвали в армию. Он служил во Владивостоке, в артиллерийском полку. С первых дней февральской революции принимал активное участие в революционной борьбе на Дальнем Востоке. В 1920 году стал членом Военного Совета партизанских отрядов Приморья.

В 1923 году Кокушкин возвращается в Сормово, работает инструктором райкома партии. С той поры все его устремления, силы, организаторский талант направлены на то, чтобы район процветал, а жизнь сормовичей стала достойнее и осмысленней, красивее и ярче. Якову Карповичу принадлежат идея и инициатива создания заводской многотиражной газеты «Красный сормович» и сормовского радио. Он же — инициатор и организатор строительства в Сормове парка, Дворца культуры и стадиона. Он руководил строительством Дворца культуры и был назначен первым его директором.

В 1952 году Я.К. Кокушкин вышел на пенсию. Но идеи о том, как благоустроить Сормово, его, истинного патриота своего района, не покидали. Мысль о Юбилейном бульваре родилась у него давно, но была осуществлена только к 1967 году, в год 50-летнего юбилея Октябрьской революции. Яков Карпович руководил строительством бульвара и канала вокруг стадиона на общественных началах…

Посетителям музея представилась уникальная возможность услышать звуковую запись выступления Якова Карповича Кокушкина по областному радио с воспоминаниями о строительстве Сормовского Дворца культуры. Запись была сделана в 1980 году, когда отмечалось 50-летие Дворца.

Воспоминаниями о своём легендарном отце поделился сын Якова Карповича - **Мэлс Яковлевич Кокушкин**, ветеран завода «Красное Сормово».

Экскурсовод заводского музея **Елена Арнольдовна Миронова** рассказала о своей изыскательской работе, благодаря которой стала известна родословная сормовских Кокушкиных.

Деятельность Я.К. Кокушкина, как зачинателя трезвеннического движения в СССР в послевоенные годы, осветил **Александр Николаевич Маюров**, профессор, президент Международной академии трезвости, сопредседатель Общероссийского движения «Трезвая Россия», научный эксперт по вопросам наркотизма и трезвости ООН.

Библиографию книг и журнально-газетных материалов о Я.К. Кокушкине представила **Валентина Ивановна Полковникова**, заведующая информационно-библиографическим отделом ЦРБ им. 1 Мая.

Устный журнал «Приближавший весну человечества» — «первая ласточка» в серии мероприятий, которые музей завода планирует организовать в рамках проекта «Патриоты Сормова». Сотрудники музея выразили надежду, что проект будет успешным, полезным и интересным для всех, кто любит Сормово.

СПРАВКА
о революционной деятельности Я.К. Кокушкина в период 1917 – 1920 г.г. на Дальнем Востоке

Тов. Я.К. Кокушкин – видный деятель большевистской организации на Дальнем Востоке в период становления Советской власти в крае, борьбы с белогвардейщиной и иностранной интервенцией.

Как дальневосточник, вступавший в тот период в революционную жизнь, я помню тов. Кокушкина как одного из организаторов большевистской партийной организации в гор. Владивостоке и первых органов Советской власти, как пламенного агитатора и трибуна владивостокских рабочих и солдат. Тов. Кокушкин в период подполья, при белой власти, был арестован чехословацкой военщиной и содержался в тяжёлых условиях на гауптвахте, но в январе 1920 года бежал и продолжал борьбу с интервенцией и белогвардейцами как один из руководящих работников подполья.

Тов. Кокушкин после свержения колчаковской власти был видным военно-политическим работником и после известного выступления японцев 4-5 апреля 1920 г. принадлежал к руководящей пятёрке, возглавлявшей борьбу против японских войск.

Тов. Кокушкин известен мне за этот период как видный газетный работник в большевистской легальной и нелегальной печати и автор многих листовок.

Считаю, что по своим революционным заслугам тов. Кокушкин заслуживает персональной пенсии.

Подпись (А. Фадеев)

Член ВКП(б) с 1918 г., партбилет №1189040

Подпись члена ВКП(б) с 1918 г., п/б №1189040 тов. Фадеева А.А. заверяю.

Секретарь Партбюро Союза Советских Писателей
Подпись (А. Софронов)
25.X.1947 г.
Печать: Правление Союза Советских Писателей СССР. Москва.

Приписка от руки: *Подлинник в деле о персональной пенсии, находящемся в Сормовском райсобесе.*
Я. Кокушкин (автограф Я.К. Кокушкина)

В дар Музею завода «Красное Сормово»
Я. Кокушкин
27.XII.72.

КРАТКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ

Кокушкина Якова Карповича,

члена КПСС с июня 1917 г. п/б № о2347439.

Сормовская районная парторганизация г. Горького

Родился в 1892 году в Сормове, отец — рабочий, слесарь Сормовского завода.

В 1909 году окончил городское училище. В навигацию 1909 года работал кочегаром на волжском пароходе.

1910-1913 г.г. — служил конторщиком на Сормовском заводе.

С декабря 1913 по март 1917 — рядовой, писарь штаба 4-го Владивостокского крепостного артиллерийского полка.

1916 г. — участвовал в нелегальной военной организации во Владивостокском гарнизоне, в составе которой большевиков не было. На сходках высказывал интернационалистские пораженческие взгляды.

С марта 1917 г. — депутат Владивостокского Совета, член военной комиссии Совета, член полкового комитета, организатор и председатель Эгершельдского районного комитета солдатских депутатов.

В июне 1917 г. вступил во Владивостокскую организацию РСДРП (тогда ещё общую с меньшевиками) как большевик.

В июле 1917 г. избран членом комитета Владивостокской организации РСДРП как большевик.

В августе 1917 г. избран, как кандидат большевиков в списке №13, в состав гласных Владивостокской городской думы.

В сентябре 1917 г. был делегатом от Владивостокской организации РСДРС, как большевик, на Дальневосточной краевой конференции РСДРП в Никольск-Уссурийске выступал и голосовал за разрыв с меньшевиками. По размежеванию с меньшевиками был членом Дальневосточно-

го бюро большевиков, переизбран в комитет Владивостокской большевистской организации и возглавлял Эгершельдскую группу большевиков.

В ноябре-декабре 1917 года активно участвовал в установлении Советской власти во Владивостоке, был избран членом исполкома Совета, назначен военным комиссаром Инженерного Управления Владивостокской крепости, членом крепостного распорядительного комитета.

В декабре 1917 г. участвовал на третьем съезде Советов Дальнего Востока в Хабаровске, был избран членом Временного коллектива по управлению Дальним Востоком (семёрка).

В январе 1918 г. участвовал на съезде Советов крестьянских депутатов Приморья в Никольск-Уссурийске, избран в состав исполкома (секретарём). Выдвинут от Владивостокского Совета в состав Приморской областной продовольственной управы, руководил финансовым отделом до свержения Советской власти во Владивостоке 29 июня 1918 года.

В феврале 1918 г. участвовал в работе съезда Советов Амурской области в Благовещенске, был докладчиком по политическому моменту и автором резолюции о переходе власти в руки Советов.

В период после высадки японских войск до свержения Советской власти во Владивостоке, выполнял поручения Исполкома Совета, производил обыски, аресты заговорщиков (полковник Савченко, есаул Эпов, генерал Транковский), производил обыски в редакции и типографии газеты «Дальний Восток», конфисковал номера с контрреволюционным содержанием, помещал статьи в «Крестьянин и рабочий» за подписями «ЯК», фельетоны за подписью «Bovino» (Бовино).

Июль — сентябрь 1918 г. — член редколлегии нелегальной газеты «Красное знамя» и подцензурных «Рабочий» и «Рабочий и Крестьянин», фактически — их редактор, автор передовиц, фельетонов, двух листовок, ведущий оратор на массовых митингах в народном Доме.

10 сентября 1918 г. — арестован, заключён в концлагерь интервентов.

13 января 1920 г. — побег из концлагеря (Кокушкин, Румянцев, Ковальчук, Уткин).

17 января 1920 г. — постановлением Далькрайкомпарта назначен представителем Далькрайкомпарта в Никольск-Уссурийский военно-революционный комитет по подготовке восстания против колчаковской власти. После победоносного восстания 26 января 1920 г. — политический уполномоченный Никольск-Уссурийского военного района.

Март 1920 г. — участвовал на областной партконференции и областном съезде трудящихся в Никольск-Уссурийске, председатель комиссии по наказам.

Начало апреля 1920 г. - председатель Никольск-Уссурийского уисполкома.

После выступления японцев 4-5 апреля 1920 г. — командир группы войск, отступавших к дер. Кугуки.

17 апреля по начало июня 1920 г. — председатель ревштаба (Кокушкин, Илья Слинкин, Залуцкий) прифронтовой полосы Приморья, Иман, организация сопротивления японцам.

Июнь — декабрь 1920 г. — политический уполномоченный Анучинского военного района.

Январь 1921 г. — председатель областной партконференции во Владивостоке, руководитель и лектор областной партшколы (полулегальной) во Владивостоке. Во главе партшколы как боевой части руководил защитой вокзала при выступлении каппелевцев в ночь на 31 марта 1921 г. и последовавших вплоть до меркуловского переворота 26 мая 1921 г. боевых операций партшколы, член Совета обороны Владивостока (Масленников, Ильюхин, Кокушкин), руководитель мобилизационного отдела.

С конца мая по 22 октября 1921 г. — член подпольного Приморского облревкома во Владивостоке, редактор газет, сменивших 12 названий.

Ноябрь — декабрь 1921 г. — военный комиссар 2 отдельного Приморского батальона. В период наступления каппелевцев был взят в плен (в с. Картун, 26 декабря 1921 г.), бежал.

Январь — июнь 1922 г. — член Военного Совета партизанских отрядов Приморья, начальник политотдела с правами военного комиссара при командующем.

Август 1922 г. — по решению Дальбюро ЦК РКП выбыл в распоряжение Нижегородского губкома РКП.

В период с 1923 по 1930 год вёл большую пропагандистскую и массово-политическую работу в Сормове, инициатор и руководитель строительства Сормовского Дворца культуры.

С января 1930 по 1941 год — работал на строительстве Горьковского Автозавода, реконструкции Ижстальзавода, руководителем строительства Сормовского парка культуры и отдыха и стадиона.

Август — ноябрь 1941г. — военный комиссар 33-й Госпитальной базы армии в Горьком.

Демобилизован за расформированием базы.

1942-1956 г.г. - работал на административно-хозяйственных должностях на заводе «Красное Сормово», пропагандистом парткома завода, воспитателем в молодёжном общежитии завода.

По выходу на пенсию вёл общественную партийную пропагандистскую работу, внештатный член парткомиссии при Горьковском Обкоме КПСС.

В настоящее время, кроме выполнения поручений первичной парторганизации — член Горьковского областного комитета защиты мира, письма и статьи в газеты (Борьба за трезвость). Основное партийное поручение — доработка «Весны Человечества» (А.А. Фадеев в письме к К.П. Серову от 14 февр. 1944 г. признал: «У него /Я. Кокушкина/ несомненно, есть способности. Их надо реализовать»).

Я. Кокушкин
20 декабря 1971 г. Сормово.

Юрий МАХАЛОВ

КОКУШКИН ЯКОВ КАРПОВИЧ

Из биографии

Кокушкин Яков Карпович — потомственный сормович. Родился 25 декабря 1892 года. Кавалер ордена Ленина и многих медалей, персональный пенсионер союзного значения

В конце 1913 года его призвали на службу в царскую армию. На призывной комиссии полицейский чин мигнул воинскому начальнику, чтобы этого смутьяна отправили куда подальше. Так Яков оказался во Владивостоке - в крепостной артиллерии, в роте связи.

В казарме им была организована полулегальная школа для солдат, где наряду с обучением грамотности нес свои, пока пацифистские взгляды, усвоенные от Платона Каратаева из романа Л.Н. Толстого «Война и мир».

После свершения февральской, а затем и Октябрьской революций Дальний Восток был объявлен отдельной республикой - буферной зоной между соседями с Востока и Россией, чтобы избежать интервенции в Россию.

Взгляды Якова несколько меняются, и в июле 1917 он вступает в партию РСДРП и принимает сторону большевиков.

В это время во Владивостоке и по всему Зауралью идет гражданская война, поддерживаемая иностранными интервентами. Яков активно включается в события. Участвует в партийных органах, в правительстве, в органах власти, в различных конференциях, обсуждающих судьбу края. Даже в составе парламентерской группы вручает японскому генералу - командующему экспедиционным корпусом ультиматум с условиями перемирия.

Комиссар партизанских отрядов. После срыва перемирия, когда Япония начала военные действия в городе, Яков со своей подпольной партий-

ной школой прикрывал отход войск у железнодорожного вокзала. Потом плен и концлагерь, побег и участие в партизанской борьбе.

«Разогнали атаманов,
Разгромили воевод,
И на Тихом океане
Свой закончили поход»

Это и про него тоже.

1922 год. Приморье свободно и принадлежит России. Яков откомандировывается на родину, в Нижний Новгород.

В 1924 на стройке металлургического комбината в Ижевске получает травму головы и опять едет на родину. Здесь ведет общественную работу в качестве инструктора парткома Сормовского района. Проявляет активность во всех делах. Антирелигиозная пропаганда, создание проводного радио и работа в редакции. Тоже газета «Красный Сормович». И названа так им. Во Владивостоке редактировал «Красную Звезду», оттого и здесь такое имя.

В 1930-1931 гг. работает на постройке Автозавода.

Его идея и инициатива строительства парка и Дворца труда в Сормове. Он строитель этих объектов от РИКа и первый директор.

Другие объекты в поле его зрения: «новый» стадион, здание яслей на Соборной, ныне Щербакова. Позднее проект парка в районе Лунского озера, проекты улиц Сормова с подходом к Парку культуры и Дворцу, так и не осуществленные, красивая идея проспекта Юбилейного на Волгу, сквозь склады завода «Красное Сормово». И главное детище его последних лет - канал вокруг парка - вполне заслуживает быть назван его именем.

Кроме перечисленного: борьба за мир, против пьянства, писательский труд по истории гражданской войны, помощь сослуживцам по Дальнему Востоку в бытовых вопросах и в психологическом плане, партийная ветеранская группа по месту жительства и много других дел. Громадная переписка: два абалаковских рюкзака писем!

Его именем названы кружки пионеров и дружины в городах Приморья. В Сормове он почётный гость на партийных собраниях и конференциях, на трибунах во время демонстраций.

Часть его архива дочь передала в Государственный архив Нижнего Новгорода (ГАНО), малую часть - в музей Автозавода. Кое-что готовится для Сормовского заводского музея.

А. ФЕДОРОВ

БОЛЬШЕВИК

ЯКОВА должны были арестовать. Он чувствовал, что кольцо сжимается. Все видные члены Владивостокского Совета в тюрьме. Там же и председатель — Костя Суханов, «наш Костя».

Большевиков брали ночью и днем, прямо на улицах.

Якова знали в городе: и по выступлениям на Совете, до переворота, где он яростно отстаивал большевистскую тактику; и по митингам в Народном доме, где он требовал слова как представитель большевистской партии и говорил о мировой революции. «Через барьер штыков и броненосцев, — говорил он громко, — мы посылаем приветствие пролетариату Японии, других стран, правительства которых прислали к нам войска...»

Выполнял поручения военно-революционного комитета: аресты контрреволюционеров, обыски. Арестовал полковника Савченко.

После переворота Яков был членом редколлегии и фактическим редактором нелегального большевистского «Красного знамени» и подцензурной ежедневной газеты «Рабочий и крестьянин».

Писал передовицы, фельетоны, заметки. Как только с метранпажем подготовят набор — Зоя Секретарева (Зоя Большая) несла оттиск «Рабочего» в чехословацкий штаб, где доктор Шебеста, войсковой прокурор, красным карандашом делал вычерки. И газета выходила с белыми пятнами, а раз — без передовой. Корректором была Таня Цивилева (как и Зоя, из коммуны девушек-большевичек на улице Светланской — на Светланке, 99), а иногда и сам Яков.

«Красное знамя» выпускать ежедневно не могли. Но и те редкие случаи, когда шел номер, превращались в боевую операцию: из печатной машины пачки тут же, глубокой ночью, уносили в партийные ячейки.

И в этот раз Яков пришел в типографию за свежими номерами, только во двор...

— Стой!

Типография окружена белогвардейским отрядом.

— Стою, хоть дой! — не удержался, чтобы не созорничать. А в кармане черновик политической статьи. Как бы не обнаружили.

Тогда уже не Ваняхой тебя посчитают, а одевался — сапоги, гимнастерка солдатская, хотя и редактировал газету — вид простецкий, «опрощенец» по-толстовски, за дворника мог сойти.

Повели его. Типография на горе, неширокая дорожка вниз к Светланке. И в командире отряда — шляпа надвинута на глаза — узнает эсера Каликанова.

— Здравствуйте, товарищ Каликанов.

Тот вздрогнул — понял ироническое «товарищ».

— Вы что там пишете про союзников?! Это не интервенция — это воля народа...

— Хорошо, больше не буду, — хитро отвечает Яков. И тут же из-под его плеча — под откос. Скатился. Не стреляют — темнота. Ушел.

Значит, еще не в этот раз ...

А кольцо сжималось. О Якове знала разведка белочехов и выслеживала.

Счастливыми, трагическими, волнующими днями назвал американский журналист Альберт Рис Вильямс те дни, что провел «в городе, ставшем на сопках, над сверкающими водами Золотого Рога». Вильямс возвращался в Америку. Вдохновенно выступал на заседании Владивостокского Совета и перед красногвардейцами, разгромившими банду атамана Семенова. Был схвачен белыми. Отпущен.

Один американец восхищался русской революцией и людьми, ее совершившими.

Другой — сенатор Пойндекстер — писал: «Россия является просто географическим понятием, и ничем больше она никогда не будет. Ее сила сплочения, организации и восстановления ушла навсегда. Нация не существует...»

Америку, Японию, Англию беспокоил вопрос: как распорядиться со 170-миллионным населением и богатствами России?

Яков потом, много лет спустя, напишет Вильямсу, напомнит об этих днях и предложит больному свою кровь. Они подружатся.

А тогда в бухте Золотой Рог стояли два японских крейсера — «Ивами» и «Асахи» — и американский «Бруклин». «Для защиты своих подданных во Владивостоке».

Не было повода для высадки солдат. Повод «устроили» — ночью 4 апреля в конторе «Исидо» убиты двое японцев, третий ранен. На другой день японцы высадились на берег.

Большевистский Совет. Солдаты и моряки в чужеземной форме. Белая гвардия. Чехословацкий корпус. Все, кажется, смешалось, лишь пароходы с награбленным постоянно уходят из порта.

29 июня 1918 года происходит выступление белочехов. С их мятежом Советская власть пала.

ПОСЛЕ первого ареста Яков стал осторожнее. Сделают номер газеты, принесет Зоя Большая от Шебесты раскрашенный оттиск — шел ночевать на Первую речку, в район фортов. Там, на станции, работал кладовщиком Иван Иванович Ершов, нижегородец, солдат, большевик.

Ершов открывал ключом стальную дверь в скале. Здесь раньше был склад оружия, но оружие уже давно использовали по назначению — против белых, против красных, против интервентов и против тех, кто не примкнул ни к одному берегу, — тем доставалось со всех сторон.

Шутка про склеп, несколько слов о последних событиях, и дверь закрыта снаружи на ключ. Тут, конечно, ни коек, ничего не было, порой спать приходилось на газетах, но место безопасное, даже снаружи дверь незаметна, кустарником закрыта.

9 сентября Яков задержался на Светланке, 99 — у девушек. Яков играл на скрипке, Таня Цивилева аккомпанировала на пианино. Почему-то — всё Чайковского. «Осеннюю песню», «Баркаролу»... Скрипку полюбил еще в Сормове, здесь она вдруг приобрела совершенно неожиданную роль: какие большевики, говорили соседи, — они ведь на скрипке играют...

А потом пришла Настя. Совсем еще девчонка. Настя, которая больше всего любила свою свободу и крайности. Настя, с которой он часто стоял рядом у стенки, когда шло заседание Совета, чуть касаясь ее плеча, и оставлял ее только затем, чтобы подняться на трибуну.

У всех девчат в коммуне короткая прическа — решили Насте отрезать маленькие девчоночьи косички.

— Пусть Яков!

И постриг он свою любовь, как когда-то постригали в монахини, — постриг на борьбу...

Давно уже настал комендантский час, Яков в горы, где склад, не пошел. А чуть рассвет, глянул Яков в окно — стоит толстый чех с наганом. «Ладно, хоть чехи, — подумал. — От японцев живым не уйдешь».

Стук в дверь прикладами. Грохот сапог. Вот они уже в комнате девушек. Вот вломились к нему.

— Ты кто?

— Кокушкин. — Так и сказал, с ударением не первое «о» — тогда его фамилию иначе и не произносили.

— Одевайся.

Допрашивал Шебеста. Познакомились, наконец-то. Вопросы задает, а сам черкает оттиск «Рабочего». И, наверное, такая ненависть в глазах Якова вспыхивала каждый раз, как карандаш касался им и его товарищами написанных заметок, что Шебеста не смог этого не заметить и не понять. Конечно же, не дворник со Светланки перед ним.

— Марксыст?

Пишет предписание латинскими буквами: «В турму».

Ведут Якова Кокушкина по центральной улице, по Светланке, о которой совсем недавно, после переворота, так писали «Дальневосточные известия»: «На улицах повторяется картина, напоминающая последние дни Парижской коммуны. Буржуазия разоделась во все новое, на улицах Владивостока «христосуются», белогвардейцев, чехов забрасывают цветами, арестованных рабочих избивают, выводят на улицу на посмешище буржуазии».

Что будет с ним, Яков не знал.

Знал, что ставят в цепочку, в затылок друг другу шесть-семь человек и одной пулей расстреливают. Хватит ли одной пули?

Писал листовку: «Не плакать над трупами павших бойцов».

Видел «Правду», которую выпускал на чешском языке чехословацкий коммунистический комитет. Два полка из корпуса отказались участвовать в перевороте 29 июня — многих судили военно-полевым судом.

А в тюрьме в камеру к чехам и словакам японский солдат принес пакет сахара. Вся камера была потрясена проявлением такой классовой солидарности.

Трудно было в 1918 году разобраться, что к чему. Трудно было рядовому человеку судить о людях. Но интервенция, переворот, злодейские расправы показывали, кто есть кто. Лишь одни большевики были до конца последовательными.

Яков Кокушкин записался в партию в июле 1917 года. Пришел в комитет — маленькая комнатушка под чердаком.

— Товарищ Громадзская, запиши меня в партию.

— Давно бы так.

Позднее, в письме Вильямсу, Кокушкин попытался найти истоки своей классовой сознательности: «Мне было 10 лет, когда над Большой дорогой Сормова высоко взметнулось Красное знамя с лозунгом «Долой самодержавие», поднятое Заломовым. Это была одна из первых в России первомайская демонстрация 1902 года. Так вот, дорогой товарищ Вильямс, знайте, откуда у Якова Кокушкина «первичная» революционная «закваска». Это сормовская «закваска».

С февраля по июнь 1917 у него окончательно оформилось то, что копилось с детства — от той сормовской демонстрации. Он даже многих статей и работ В. И. Ленина еще не читал, лишь то, что доходило в газетах, конечно же — «Апрельские тезисы», в 1920 году повезло — попалась книга «Материализм и эмпириокритицизм». С Лениным стал знакомиться, когда преподавал в партшколе в Сормове после гражданской войны.

Для него в ту пору учителями были большевистские руководители. К ним относился и Константин Суханов, председатель Владивостокского Совета, с которым Якову на этот раз суждено было встретиться в маленьком дворике концлагеря, куда его перевели из тюрьмы.

НЕВЫСОКИЙ, сутуловатый, с простым лицом, Суханов преображался, когда выступал — ярко и темпераментно. Но и здесь, в концлагере, не предавался унынию, восхищался революцией в Германии, мечтал иметь возможность, чтобы руководить подпольем.

Осталось воспоминание Вильямса о Суханове: «Одной энергичности вряд ли было достаточно для такого порохового погреба, каким был Владивосток. Суханов же, действуя искусно и тактично, много раз помогал Совету выходить из затруднительных положений, в которые его ставили враги. В 24 года ему пришлось решать задачи, с которыми не справиться подчас и опытному дипломату».

18 ноября рано утром Суханов распрощался с каждым из заключенных за руку — его переводили в тюрьму. Вместе с Мельниковым конвоиры вывели его на дорогу. А вскоре Якову передали маленькую записочку: два трупа лежат у дороги, что ведет к Первой речке. Суханов и Мельников убиты якобы при попытке к бегству...

Как будто бы и не прощались, а расстались на день, чтобы работать, чтоб руководить. Как живой стоит Костя перед Яковом — полный оптимизма, рвущийся в схватку.

А недавно он настаивал:

— Зачем нас здесь держат? Пусть нас судят. Мы не немецкие шпионы, мы не против свободы Чехословакии — нас хотят выдать за врагов. Мы русские граждане, борющиеся за свободу России. И Чехии.

А весной он посылал арестовать Савченко:

— Бери своего любимца.

И когда Яков сказал, что у Савченко жена и девочки-невесты, Костя сузил глаза:

— А не ты ли о его подвигах в газете писал? Не Савченко ли приказывал в народ стрелять?

Два трупа... При попытке к бегству...

В ком черпать уверенность? К кому идти за советом?

Увели еще двоих — «переводить в тюрьму». Рабочие Владивостока, зная о зверской расправе, патрулировали всю тропу к тюрьме. На этот раз расправа не удалась.

Тогда заключенные еще не знали, что под Красноводском зверски убиты англичанами 26 бакинских комиссаров. Аналогия появилась потом в воспоминаниях. Их действительно было 24-26 человек в концлагере — руководящие работники Владивостока, Никольска-Уссурийского, Николаевана-Амуре. Видимо, всех решили истребить. Ждать, пока прикончат?

В городе концлагерь прозвали «Мертвым домом».

Концлагерь — одноэтажное каменное здание, из коридора три комнаты-«камеры» да вход на кухоньку, где готовили и стирали. Вокруг здания столбы, в два ряда колючая проволока, невдалеке комендатура, а с другой стороны японские казармы. Окружают лагерь сопки, а распадок идет к городу.

Вскоре после гибели Суханова и Мельникова десять солдат врываются в корпус:

— Выходи! Выходи!

И помогают выполнить свою команду прикладами.

Кто-то не выдержал:

— Убивайте здесь!

Вывели. Яков нервно ходит вдоль проволоки по периметру.

Всеволод Сибирцев осаживает:

— Ты близко к тому чеху не подходи — глаза кровью налиты. Он тебя штыком.

Не знали заключенные, что в этот день хоронили Суханова и Мельникова. Рабочие пошли в сопки; в распадок, где концлагерь, их не пустили, но и белочехи, и японцы опасались, что могут освободить лагерь.

Яков остановился у проволочной стенки, обращенной к распадку. Что-то красное в бурьяне. Околыш японской фуражки. Один японец, другой. Дуло пулемета. Черная дырочка. Яков не хотел смерти. Он даже боялся смерти. Это далеко не самое лучшее ощущение — смотреть в направленное на тебя дуло. Чувствуешь, как переломится тело там, где прошила его очередь. И боль... И последний вздох...

Яков будет жить — очередь не рванула из коварного бурьяна. Но он заглянет в лицо смерти в 1921 году, когда «меркуловцы» заочно приговорят его к расстрелу — пристрелить там, где встретится, — и облревком запретил Якову появляться в редакции газеты, которую он редактировал, на заседаниях, на квартире. Решением облревкома Яков ушел в сопки к партизанам.

И еще смотрело на него дуло карабина, поднятого своим же обалдевшим от ярости партизаном, когда он, вновь присланный комиссар, убеждал в необходимости буферной Дальневосточной Республики, а значит, и временного соглашательства, чтобы вся страна могла выжить.

И сейчас, стоя у колючей проволоки, он хотел жить, хотя понятие жизнь обесценивалось в этой яростной схватке. Сколько крови уже пролито. И гибнут не только руководители подполья, красные командиры, но и такие девчата, как Таня, как Зоя, как Настя.

Смертники? Нет. Бежать!

С Всеволодом Сибирцевым задумали подкоп. Взломать пол и рыть прямо из камеры. Когда приподняли доски, обнаружили скалу.

Другой план — набросать из кухни поленьев, чтобы ими поднять проволоку от земли, а заграждение было двухрядное, и ход готов. Часовой всего один, освещения ночью никакого нет...

Всеволод Сибирцев до переворота был секретарем исполкома Владивостокского Совета. В партию он вступил в студенческие годы, в Петербурге. О его мироощущении хорошо рассказывает факт, который вспомнил младший брат Игорь. После убийства Столыпина в гимназии состоялась панихида. Все стали на колени, когда запели «Вечную память». С ужасом Игорь увидел, что четверо стоят — и среди них его брат...

Игорь шел к партии нелегким путем. Будучи юнкером, он в октябре 1917 года защищал Зимний от красногвардейцев. «Если так будет дальше продолжаться, — сказал Всеволод, — мы враги».

Сейчас, когда старший брат находился в концлагере, Игорь стал активным участником подполья.

Оба брата погибнут. Всеволод будет брошен в паровозную топку. Игорь, комиссар стрелковой бригады, раненный в обе ноги, потребует у бойцов, чтобы его бросили — их преследовала вражеская кавалерия. Бойцы такой приказ выполнить не смогли — и Игорь застрелится.

...Весенней ночью, под шум дождя Всеволод с группой заключенных бежал, чтобы бороться столько еще, сколько было ему отпущено судьбой. Камеру, где находился Яков, предупредить не рискнули. Анархист и эсер, жившие в ней, разговоры о побеге прерывали заявлением: «Не пустим. За ноги держать будем». Они боялись угрозы коменданта: «Если кто убежит — всех перестреляю».

ПОСЛЕ ПОБЕГА провели наружное освещение, поставили второго часового, передачи стали принимать только в комендатуре, а раньше иной раз подпускали к воротам, и можно было перекинуться с Настей парой слов да заглянуть в её глаза.

Приходили Игорь Сибирцев, Зоя, Таня, Настя, Саша Фадеев.

Девчата — как сестры, невесты, жены. Фадеев потом вспомнит: «В рождественские дни 1918 года мы вместе с Настей морозили пельмени для наших заключенных и потом вместе отвозили их в колчаковскую тюрьму и чешскую гауптвахту».

Судьба тогда не свела Якова и Александра, дружеская встреча произойдет уже в Москве, в сороковых годах. А на Дальнем Востоке пути их неоднократно пересекались, и в судьбах их было много общего. Печатались в одной газете — в «Красном знамени». И в концлагере, и раньше встречал Яков замечательных людей, будущих героев «Разгрома», выведенных под фамилиями Левинсон, Бакланов, Морозка...

А однажды Игорь Сибирцев издали показал Якову щупленького паренька: «Вот мой двоюродный брат — Саша Булыга» (Булыга — партизанская фамилия А. Фадеева).

На Дальнем Востоке к обоим пришла любовь, и оба были вынуждены расстаться с любимыми — судьба раскидала их в разные стороны.

И у обоих в послевоенных письмах к Асе и Насте, к женщинам, которых они так пылко любили в те страшные дни, благородное чувство, пронесенное через всю жизнь (письма Фадеева к Асе Колесниковой опубликованы в сборнике «Повесть о нашей юности»).

Разрыв у Якова с Настей произойдет уже в партизанском отряде, и оба не найдут пути к примирению. Настя хотела блистать своей смелостью, наслаждаться свободой, партизанить, работать в ЧК — в ее жизнь еще не вошли понятия семья, дети. А Яков, возможно, так и не смог расстаться со своим убеждением, что женщина будет мешать ему делать революцию, что рано еще устраивать личное счастье.

Это был один из принципов Якова, принципов ограничения, которым он следовал много лет. Он не готовил себя к роли революционера-профессионала. Но в 1917 году оказался вполне подготовленным.

Еще в Сормове изучил язык эсперанто и, отправленный служить в армию на Дальний Восток, вёл на этом языке дневник. Участвуя в заседаниях Совета, делал в блокноте короткие пометки на эсперанто. Конспирация.

«Не лгать перед собой». Дневник помогал следовать этому принципу и выносить его на люди.

«Не пить». В трезвости видел единственную возможность совершенствования человека. И даже когда кто-то хватался за наган — «Ты за революцию не хочешь выпить?! Ты враг!» — он оставался верен своему принципу.

Принципов было много, и он нашел в себе твердость, чтобы им следовать.

И первая неудача, и угроза расстрела не могла сломить волю большевика, Яков вновь готовился к побегу.

ТРИНАДЦАТОГО января 1920 года свирепствовал буран. Яков пошел за дровами, но пригласил Ковальчука, Уткина, Румянцева на кухоньку.

— Давайте бежать.

Предложение для троих неожиданное. Но гарантия успеха в тщательной конспирации. Яков сам продумал все до мелочей. И время — к двенадцати дня часовой после полусуточной вахты дремлет в будке. И буран — чтоб не услышал, как зазвенит проволока. И гладкую доску с двухъярусной кровати — чтоб скатиться по ней за изгородь.

Не давая товарищам опомниться, он вынес доску, и они пробрались к заграждению. Доску положил на первый, в полтора метра высотой ряд

проволоки, залез по столбу, протолкнул доску в высокую, трехметровую вторую сеть, попрыгал на ней, чтоб разошлась проволока, и на спине заскользил в отверстие. Проволока схватила его за грудь. Руками в белых носках (вместо перчаток пригодился подарок матери) стал отжимать упругую проволоку от себя, машинально отмечая, как на белом выступают красные пятна.

Соскользнул на снег.

Так же выбрались остальные.

Перевалили через сопки и — в город. У Якова в памяти адрес, который по его просьбе сообщила недавно Настя: «Военный холодильник. Флигель. Наталья Кузьминична Белоненко».

Во флигель пришли вместе с Румянцевым, а Ковальчук и Уткин отправились в Рабочую слободу.

На кухне женщина стряпает.

— Наталья Кузьминична?

И как она закричит вглубь квартиры:

— Барыня! К вам!

Это уже потом Яков и Румянцев хохотали, не веря, что это не сон, что они на свободе. Потом, когда «барыня» их устроила, напоила горячим чаем, поздравила с Новым годом.

Не знал тогда Яков, что «барыня» — жена механика с холодильника, подруга Марии Владимировны Сибирцевой, матери Всеволода и Игоря. Уже потом выяснились сложные переплетения людских дорог, и оказывалось, в ком видел врага — тот наш или потом становился нашим, а в товарищах порой приходилось разочаровываться...

Иван Иванович Ершов увел Якова в коморку безработного, все же у Белоненко было небезопасно.

ЯКОВ ждал ночного гостя. Вот так опишет свою встречу с этим человеком Александр Фадеев: «Представьте себе молодого человека, лет 23, ростом всех выше на голову, с лицом поразительной интеллектуальной красоты. Овальное смуглое лицо, крылатые брови, волосы черные, густые, глаза темные, поблескивающие, черная вьющаяся бородка... А в движениях какая-то угловатость, характерная для людей застенчивых. Голос у него был очень решительный, громкий, он чуть картавил приятной такой картавостью...»

Яков не знал, кто это, но по разговору о положении в Забайкалье и в Приморье, по осведомленности ночного гостя догадаться было нетрудно — это крупный партийный работник.

— Готовится восстание против колчаковцев. Это враг номер один, — говорил гость, чуть картавя. — Нам придется приводить к власти земскую управу как ширму, которой мы отгородимся от конфликта с японцами. Японцев в Приморье до 100 тысяч, вступать с ними в прямое столкновение рано.

Далькрайкомпарт назначает вас своим представителем в ревком Никольска-Уссурийского. Готовьте восстание. Согласны ехать?

— Я согласен, товарищ Лазо, — ответил Яков.

Гость не возразил против такого обращения. Значит, Лазо. Лазо, успевший прославить себя на все Забайкалье.

Они беседовали, пытаясь предусмотреть все трудности будущей буферной политики, и не догадывались даже, что будут у обоих ошибки, что в ночь с 4 на 5 апреля японцы одновременно во всех городах Приморья устроят кровавую резню большевикам.

Они не знали, что командующий Красной Армией Приморья Сергей Лазо и его товарищи Всеволод Сибирцев и Луцкий будут схвачены японцами, и лишь через много лет будут восстановлены подробности их трагической гибели.

Глухой ночью на станции Уссури японские солдаты передадут колчаковским бандитам три мешка. Белогвардейцы поднимут мешки на паровоз. Машинист, притаившись за будкой стрелочника, увидит, как шашкой распорют первый мешок и связанного по рукам и ногам человека станут толкать в топку. Машинист в отблесках пламени узнает Лазо. Связанный, тот будет сопротивляться. И только лишив его сознания ударом по голове, бандиты сожгут человека... Два других мешка не развязывали...

И будет у Якова Кокушкина одно раздумье — когда отгремят «штурмовые ночи Спасска» и «волочаевские дни», когда Красная Армия под руководством Блюхера войдет во Владивосток: какой ценой куплено все это?

И он вспомнит, как партизанский отряд преследовали японцы; болота, сопки, ночь — отряд потерял направление, выбился из сил. И вдруг сквозь разрывы облаков Яков увидел две звездочки — часть ковша Большой Медведицы. Провел линию, нашел Полярную. «Товарищи, нам туда», — указал в сторону Хабаровска.

«Вот что значит иметь перед собой Полярную звезду, — будет думать Яков, — иметь ясную цель». Маркс, Энгельс, Ленин такую цель назвали — большевик Яков Кокушкин всю жизнь будет бороться за ее достижение.

Газ. «Ленинская смена», 1977, 24 июля

Б. ШЕЛЕПЕНКОВ

РОДНИКИ

Как-то к председателю Сормовского райисполкома пришел пожилой человек с тонкими лучиками морщин у висков и молча развернул перед ним чертеж.

— Узнаете? — спросил он.

— Как не узнать! — откликнулся председатель. — Это же наш районный парк культуры и отдыха. Только вот тут вы изрядно напутали: ни озера, ни канала там нет.

— Путаницы нет, — возразил пришедший. — Верно, сейчас парк построен «насухо». Между тем есть возможность и канал прорыть, и озеро создать.

Эта идея провести в парк воду увлекла работников райисполкома...

С тех пор прошло два года. И вот мы с автором проекта идем по берегу канала, который широкой дугой охватывает зеленые кущи парка.

Автор смелого проекта — Яков Карпович Кокушкин, старый сормовский рабочий, персональный пенсионер. Хотя он и не имеет архитектурного образования, однако это не мешает ему вносить дельные предложения по планировке и застройке родного города. Так было и с устройством канала.

Несколько лет назад Яков Карпович предпринял экспедицию: исследовал окрестности города, искал воду. Он бродил по болотам, брал образцы почв, внимательно изучал рельеф местности, делал эскизы, производил подсчеты.

Подолгу наблюдал, как рождается крошечный родник. Тоненькой серебристой струйкой он начинает трепетно бить из земли. Погубить такой родник нетрудно. Но если роднику помочь, дать ему выход, то, весело клокоча, он устремится вдаль.

Яков Карпович отыскивал такие родники. На этот раз его внимание привлекла небольшая безымянная речка-ручеек. Но она текла не в сторону города. А что если повернуть ее вспять, заставить обогнуть парк и там соединиться с другой такой же речкой? Вот тогда воды хватило бы!

Сормовский райисполком обсудил и одобрил разработанный Кокушкиным проект. Нашлись и средства, и машины. На рытье канала были направлены экскаваторы. Мощный землесосный снаряд опустил свой фрез в дно заболоченного оврага. Вначале было устроено крошечное озеро. С него-то и начал земснаряд свое наступление, с каждым днем упорно продвигаясь вперед. От него день и ночь по металлическим трубам шел смешанный с водою песок.

Не занимая какого-либо официального поста, Яков Карпович вот уже многие годы принимает деятельное участие в застройке и благоустройстве родного Сормова. Еще в 1927 году завком поручил ему возглавить комиссию по строительству Дворца культуры. Он тогда ездил в Москву и нашел архитектора, который сделал проект дворца.

Прорабом строительства был назначен старый инженер, который до революции строил лабазы на Нижегородской ярмарке. Инженер был смущен столь необычным заказом.

— В Сормове дворец? — удивлялся он. — Да там же раньше, кроме халуп, ничего не строили!

— Так то было раньше, — отвечал зам. председателя комиссии. — А теперь нам без дворца никак нельзя. Самые наилучшие артисты будут у нас выступать.

Действительно, в ту пору на сцене МХАТа уже играл первые свои роли сын сормовского мастера Николай Хмелев. Позднее прославленный актер не раз выступал на сцене Сормовского дворца культуры.

Кокушкин частенько будил прораба на заре. Вдвоем они садились в пролетку и целый день ездили по различным заводам, заказывали металлические балки, до хрипоты спорили из-за расценок с сезонниками. А по ночам Яков Карпович сидел над техническими справочниками, готовился к крупному разговору с инженером-проектантом, который явно завысил толщину колонн для зрительного зала.

А тут подоспели заботы об убранстве для будущего дворца. Побывал Яков Кокушкин у наркома просвещения А. В. Луначарского. Тот внимательно выслушал представителя сормовичей и написал записку в Ленинград.

— Полагаюсь на ваш вкус и чутье, — говорил нарком на прощание.

Кокушкин все больше интересовался градостроительством, по-хозяйски оценивал все сделанное. В ту пору ему пришлось выдержать бой с планировщиками-верхоглядами, которые бездумно прокладывали новые улицы

в самой гуще жилых кварталов. Кокушкин не жалел ни времени, ни сил, чтобы доказать порочность такого градостроительства.

Вот какой разговор произошел между представителем сормовичей и авторами заумного проекта.

— По вашему проекту новые улицы проходят прямиком через дома рабочего поселка, — говорил Кокушкин. — Как же быть с поселком?

— Снесем! — следовал ответ.

— Почему вы не хотите застраивать новыми домами нынешнюю главную улицу в Сормове?

— Она для этого слишком кривая.

— Но эта «кривая» улица очень дорога сормовичам. По этой улице в 1902 году во главе первомайской демонстрации шел с красным знаменем Петр Заломов.

— Мы сегодня разбираем вопросы градостроительства!

— А градостроительство от политики неотделимо.

Чувствуя, что он не в состоянии образумить лихих проектантов, Кокушкин отправился в Москву, в Институт проектирования городов. И в этой борьбе победу одержал человек, глубоко уверенный в своей правоте, подлинный хозяин.

У этого человека интересная биография. Революцию Яков Кокушкин встретил во Владивостоке, солдатом 4-го крепостного артиллерийского полка. Ему поручают работу в военной комиссии. Летом 1918 года солдат-большевик Кокушкин переходит на нелегальное положение. Во время облавы его арестовывают и вместе с другими большевиками направляют в концентрационный лагерь. Шестью рядами колючей проволоки был обнесен этот лагерь смерти. Кокушкин и его товарищи решают бежать. Воспользовавшись метелью, заключенные устремляются к рядам колючей проволоки, просовывают заранее припасенную доску, становятся на ее конец и так проделывают отверстие. Обдирая тело, протискиваются в лазейку...

Через два дня Яков Кокушкин на нелегальной явке получал директивы от Сергея Лазо.

В 1920 году Яков Кокушкин — председатель ревштаба Уссурийского фронта. К этому времени его уже хорошо знают дальневосточные партизаны. В город Иман, где стоял штаб, не раз приходил худощавый юноша, со светлыми гладко зачесанными волосами. Это был Александр Фадеев, боец партизанского отряда, будущий писатель. «Я вас хорошо помню по давним дальневосточным временам, когда я еще был зеленым юношей, — писал А.

Фадеев Кокушкину. — Впоследствии ваши и мои друзья рассказывали мне немало хорошего о вас».

...Якову Карповичу 65 лет, но и сегодня он неутомим в своих трудах по благоустройству Сормова. Подчас его квартира напоминает чертежную мастерскую. На стенах появляются прозрачные полоски кальки, со стола свисают тугие свитки чертежей. Это признак того, что хозяин засел за составление нового проекта. Консультирует Кокушкина его старый друг, архитектор Сергей Михайлович Иванов.

— Вот получил извещение горисполкома: мой проект новой магистрали в Сормове одобрен и принят, — говорит, улыбаясь, хозяин.

Дело в том, что нынешняя главная улица Сормова сильно перегружена. Необходима новая параллельная магистраль. Яков Карпович взялся решить эту задачу.

Когда Яков Карпович развернул перед руководителями Сормовского райисполкома проект трассы, они удивились и обрадовались: оказывается, достаточно «пробить» ход в тупике, снести несколько ветхих строений, и откроется столь нужная магистраль.

Сормово не имеет центральной площади, хотя необходимость в ней велика. Где ей быть? Этот вопрос волнует сормовичей. И вот старый рабочий выдвигает интересный проект центральной площади в том месте, где в 1905 году сормовскими дружинниками была воздвигнута баррикада. Это историческое место дорого сормовичам. Все здесь напоминает о героической борьбе русского народа за свое счастье. К тому же отсюда рукой подать до главной проходной старейшего завода страны...

***

Рано утром пожилой человек приходит на берег канала. Он сидит в тени деревьев. В этот ранний час думается хорошо. Крошечный родник, обласканный человеческой рукой, получил свободу и вот теперь течет мощным потоком.

Известия, 27 сентября 1958 года

В. КОВЕРНИН

СОРМОВСКОМУ РАДИО – 60 ЛЕТ

«Говорит Сормово! Здравствуйте, товарищи!»

Так на протяжении 60 лет начинает свои передачи заводское радиовещание. Да, сормовскому радио шестьдесят. Не без гордости отмечаем мы, что оно — одно из старейших местных вещаний в стране. За эти годы многое изменилось. На место небольшого самодельного радиоузла, собранного руками рабочих-умельцев, пришла современная техника, которую обслуживают высококвалифицированные специалисты. В штате редакции трудятся опытные журналисты. Возможность слушать передачи имеют уже не десятки людей, а сотни тысяч радиослушателей, как на заводе, так и в двух районах города — Сормовском и Московском.

Неизменным с годами остается, пожалуй, одно: коллектив сормовского радио постоянно в поиске, добивается более высокого идейного и художественного уровня передач, эффективности и действенности своих выступлений.

... А начиналось все в далеком 1925 году. Слово «радио» многие только услышали, не понимали его значения. Не верилось в возможность передачи речи и музыки по воздуху на большие расстояния.

В те годы в Сормовском райкоме партии работал пропагандистом Я. К. Кокушкин. Человек пытливого ума, он сумел увидеть в радио мощное средство массовой пропаганды и агитации и загорелся идеей организовать передачи в своем районе.

Появилась группа энтузиастов. Собирались они в клубе «Металлист», где сейчас размещается музыкальная школа. Не раз приходилось обращаться за помощью и советом к старейшине нижегородских радиолюбителей Федору Алексеевичу Лбову и профессору Нижегородской лаборатории Михаилу Александровичу Бонч-Бруевичу.

Весь год члены кружка трудились над изготовлением детекторных радиоприемников. Даже для такого простейшего аппарата трудно было что-либо достать. Многое приходилось делать самим.

— В апреле 1926 года, — рассказывал потом один из членов кружка И. В. Захаров, — через катушки нашего самодельного радиоприемника мы услышали радиопередачи из Москвы. Записывали последние известия на бумагу, размножали и раздавали их по цехам, чтобы агитаторы знакомили рабочих с важнейшими событиями, происходившими в нашей стране и за рубежом.

Партком, завком профсоюза, руководство предприятия уделяли большое внимание работе радиолюбителей, помогали готовить завод к радиофикации. Для этого приобрели радиоприемник, усилитель и репродукторы. В редакции радиовещания до сих пор хранится репродуктор «Пионер», изготовленный в Ленинграде в 1925 году.

Затем закупили новую аппаратуру. В комплект радиоузла вошли два усилителя, несколько громкоговорителей, два микрофона. Это уже был настоящий радиоузел, способный обслуживать 200-300 радиоточек.

Весь 1926 год радиолюбители занимались радиофикацией, в первую очередь залов клуба, площади около него. Установили рупор на центральной площади, возле гортеатра (здесь сейчас районный Дом юного техника).

Первую радиоточку на заводе установили в столовой литейного цеха. Отсюда провода радио потянулись в цеховые красные уголки. В январе 1927 года было решено вести передачи не от случая к случаю, а регулярно.

В тот день из радиостудии Я.К. Кокушкин рассказал о жизни и деятельности Владимира Ильича Ленина. Сотни людей, затаив дыхание, стояли у репродукторов и слушали выступление. Многим сам факт, что из непонятного черного ящика исходят громкие слова, казался чудом, с нетерпением ждали очередной передачи.

Сормовские радиолюбители-энтузиасты организовывали выступления передовиков производства и руководителей завода, участников художественной самодеятельности и профессиональных артистов. Во время посещений завода «Красное Сормово» у микрофона заводского радио выступали М.И. Калинин, А.В. Луначарский, А.М. Горький, А.С. Серафимович и многие другие.

В 1929 году были радиофицированы все основные цеха завода и около 300 квартир сормовичей. Через год радиоузел разместился в только что построенном Дворце культуры. К этому времени организовалась редакция

радиовещания, в штат которой входило три человека. Первым редактором был тов. Ковальногов. Впоследствии его сменил С. Дементьев. Многое сделали для развития заводского радио П. Поплавский, И. Нейман, А. Степанов.

История сормовского радиовещания неразрывно связана с предприятием. Большую помощь заводу оказала работа выездных редакций на строительстве первых послевоенных судов. Радиожурналисты регулярно вели передачи со строительства дизель-электроходов «Ленин» и «Советский Союз».

А когда сормовичи сооружали для моряков Каспия паром «Гамид Султанов», то в течение пяти месяцев ежедневно перед началом смен, в обеденный перерыв и в конце рабочего дня выездная редакция сообщала о ходе строительства этого гиганта.

Заводское радио и сейчас держит под постоянным контролем серийный выпуск сухогрузных теплоходов смешанного «река — море» плавания. Нельзя представить себе ни одно важное событие в жизни завода, района, которое бы не было в поле зрения радиожурналистов.

Сегодня, когда перед средствами массовой информации и пропаганды стоят более ответственные задачи, коллектив заводского радио выработал программу в своей работе. Пересмотрены рубрики, оставлены наиболее важные и жизненные: «Перестройка: проблемы качества», «Технический прогресс: качество и ускорение», «Люди твои, завод», «Человек: на работе и дома» и другие. И в последнее время стало больше приходить в редакцию писем, раздаваться телефонных звонков.

С каждым днем крепнут связи радиожурналистов со своими слушателями. И этим коллектив редакции очень дорожит.

СОРМОВСКИЙ РАДИОУЗЕЛ. 1927 год

20 января 1927 года усилиями группы энтузиастов-радиолюбителей начала вещание первая радиотрансляционная сеть Сормовского района — Сормовское радио.

Коммунист с 1917 года, Яков Карпович Кокушкин был активным участником Гражданской войны на Дальнем Востоке, лично знал Сергея Лазо. Вернувшись с Дальнего Востока, работал пропагандистом в Сормовском райкоме партии. Он-то в январе 1927 года и начал ведение регулярных передач по Сормовскому радио, которое до этого в течение двух лет было просто кружком радиолюбителей.

С просьбой помочь оборудовать на заводе «Красное Сормово» свой радиоузел Я.К. Кокушкин обратился к М.А. Бонч-Бруевичу, руководителю Нижегородской радиолаборатории. Ученый охотно пошел навстречу. На предприятии была создана секция радиолюбителей в составе А.И. Угарова, Н.М. Басова, И.В. Захарова, И.Х. Гаугеля, И.А. Неймана, силами которых велся монтаж всей радиоаппаратуры.

В памятный день 20 января 1927 года вместе с Яковом Кокушкиным в импровизированной студии находились еще два человека. Роль диктора выполнял Илья Ананьевич Нейман. Он впервые и представил тогда Я.К. Кокушкина слушателям. Потом многие годы Нейман был руководителем редакции. А еще в студии присутствовал Николай Михайлович Басов - наиболее квалифицированный тогда радиолюбитель. Впоследствии он стал видным радиоинженером. В клубе «Металлист» был установлен репродуктор, и вскоре не стало отбоя от желающих послушать Москву и Нижний. На самом предприятии первое коллективное прослушивание состоялось в столовой фасонолитейного цеха (бывшей Александро-Невской церкви). Теперь в обеденный перерыв сюда приходили рабочие из многих цехов и корпусов. Партийные организации умело использовали радио для проведения массово-политической работы. Особенно возрос авторитет радио после организации выпуска заводских и районных новостей.

Яков КОКУШКИН

ВОСПОМИНАНИЯ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ СОРМОВСКОГО ДВОРЦА КУЛЬТУРЫ

Из выступления на радио

Я расскажу, как был задуман и построен Сормовский Дворец культуры.

В 1923 г. я был введён в состав бюро райкома, был пропагандистом.

Меня поразило то, что Сормово как было рабочей слободкой, так ею и осталось.

На общем собрании партийной организации в Сормове было не более ста человек. Собрание проходило в фойе Гортеатра, ныне Дом пионеров.

Меня удивило, и я спросил: почему так мало? Мне ответили, что губком более двух тысяч человек — членов партии, сормовичей, посылал во все края советской России. И действительно, нигде не было места, где не было бы сормовичей.

Осенью 1923 года на районной партийной конференции я выступил с предложением: «Собор — под клуб!» С тем, чтобы вести в больших масштабах политико-массовую работу. Это моё предложение было принято очень трудно, но мысль о том, что в Сормове нужно иметь большой очаг для массовой политической работы, проникла в массы.

Для того чтобы собор можно было передать под клуб, нужно было проводить большую антирелигиозную пропаганду. В то время в цехах были даже иконы цеховые — в кузнечном, в чугунном — с «вечным огнём» - с лампадой. Старые производственники придерживались религии. Они были в то же время высококвалифицированными рабочими. Нужно было убеждать. И в цехах были созданы группы «активистов-безбожников», которые проводили эту работу. Я для них писал листки с выписками из «Библии для верующих и неверующих» Емельяна Ярославского. В тех случаях, когда наши товарищи в цехах не справлялись, они приглашали меня, и я проводил

беседы по цехам. Нужно отметить ещё массовые диспуты, которые проходили в Гортеатре с большим привлечением священнослужителей. И эти диспуты также производили большое впечатление.

В итоге в конце1923 — начале 1924 года в цехах путём голосования большинством было принято решение: собор — под клуб. Но Михаил Иванович Калинин, председатель ВЦИК СССР, не утвердил это решение, предложил нам, сормовичам, обождать.

Мысль о том, что в Сормове надо иметь большой культурный очаг, не была оставлена, и в 1924 году райком и райисполком приняли решение: работать над тем, чтобы в Сормове воздвигнуть Дворец Труда — раньше так называлось. Был объявлен конкурс на проект Дворца Труда. Лучшим был признан проект архитектора Суханова из Симбирска. Он представлял собой простую комбинацию: театр плюс школа с переходом. Тогда ещё было очень мало опыта строительства Дворцов культуры.

С этим проектом произошла беда — он при пожаре в подвале райисполкома сгорел. И уже в 1925 году всё пришлось начинать снова. Была создана комиссия по строительству Дворца Труда. Эта комиссия возглавлялась товарищем Пушкиным, председателем райисполкома. Я из райкома партии, где был пропагандистом, был введён в состав исполкома райсовета, с тем чтобы быть заместителем председателя комиссии по постройке Дворца Труда, фактически её руководителем.

Мне была дана командировка, чтобы ознакомиться со строительством существующих Дворцов труда. Я был в Ленинграде, осматривал заканчивающийся строительством Московско-Нарвский Дворец культуры, строящийся ДК им. Урицкого. В ВЦСПС получил проекты ДК в Днепропетровске, в Юзовке (Донбасс), в Надеждинске (Урал). На основании этих материалов архитектор — общественник Сергей Михайлович Иванов (он работал в ремонтно-строительном цехе) взялся составить проект для Сормова.

Надо сказать, что мы «выступили с большим загибом»: зрительный зал был спроектирован на три тысячи мест! Конечно, это был «слишком большой театр», но с этим проектом случилась довольно курьёзная история. Будучи рассмотрен в районных организациях, он должен был быть утверждён в Губплане.

Мы с С.М. Ивановым сели на извозчика, в санки, где ноги прикрывались меховым покрывалом, а свёрток с проектом засунули под это самое покрывало. Когда подъехали к Кремлю, к дворцу Свободы, чтобы идти на

заседание Губплана, мы обнаружили: нет нашего проекта! В пути он выпал, и мы оказались ни с чем.

Товарищ Головин, который председательствовал на заседании, предложил нам выступить и показать проект. Мы были очень смущены — проекта нет!

Ну и хорошо, что его не было, потому что, действительно, это был большой «загиб», слишком большой зрительный зал…

В это время уже, соревнуясь с сормовичами, Канавинский райком (а секретарём Канавинского райкома был товарищ Столяр, тоже дальневосточник, с которым мы вместе ехали с Дальнего Востока сюда, в Россию) тоже решил построить Дворец. Канавинцы сделали заказ губернскому инженеру Мичурину, который утверждал всякие проекты, и архитектору Губздрава Чистову. По их проекту и был выстроен канавинский Дворец культуры.

Тогда он уже достраивался. Сормовичи решили: «Ну, что ж, если канавинцы строят по мичуринскому проекту, почему нам нужен какой-то другой? Давайте тоже по этому проекту строить». Такое решение было принято, только я предложил, чтобы фасад ДК, который в канавинском проекте идёт по прямой линии, перегнуть под прямым углом. Такой фасад наш сормовский Дворец сейчас и имеет. И основную планировку канавинского Дворца культуры мы приняли для себя: театральная часть должна была быть в середине, с входом в центре, где сейчас клубная часть, а по краям от входа, по обе стороны от него — Красный зал и Зелёный зал.

О месте для строительства была большая дискуссия в цехах. Были сделаны предложения: одно место — где сейчас гостиница и ресторан «Плёс», другое — на улице Коминтерна, за зданием школы Баррикад, третье — в Починках, где большие огороды, и не пришлось бы сносить жилые дома.

Я предложил то место, на котором Дворец стоит сегодня. Оно было совершенно пустынное, там были картофельные поля. Место было несколько неудобно в том отношении, что долина реки Параши, сама речка и болото отделяли его от жилья. С другой стороны, к Дворцу культуры можно было привязать парк на основе соснового леса, а на месте картофельных полей, за болотинкой — стадион. Так это сейчас и построено.

Эти предложения голосовались по цехам. Большинство — 39 из 43-х цехов — голосовали за Дарьино, за место, где сегодня и стоит наш сормовский Дворец.

Для того чтобы строить такое здание, нужен был кирпич. Мы разбирали старые повреждённые здания на территории ярмарки - в том числе зда-

ние театра Фигнера, оно после пожара было дефектным — этот кирпич зимой 1925-1926 года перевозили на площадь, которая у нас сегодня перед Дворцом культуры находится, и делали большой запас.

С весны 1927 года была произведена закладка именно таким порядком, что линия фасада была под прямым углом. Но пока что не делали закладки под театр — среднюю часть. Почему?

Как только мы повели работу по строительству Дворца культуры, этим заинтересовался ВЦСПС. При ВЦСПС была создана авторитетная группа архитекторов-консультантов во главе со старым опытным архитектором по фамилии Иванов-Шиц.

Мы привезли наш проект на консультацию, и он был подвергнут очень суровой критике. Какой недостаток этого проекта? Тот, что мы видим сегодня на Дворце в Канавине: оба крыла для клубной работы разделены, разобщены театральным залом, который находится в центре. Это, во-первых, а во-вторых, в ДК им. Ленина непосредственно при выходе из зрительного зала вы попадаете в коридор с раздевалками. Из-за этого всякий парадный вид терялся, и мероприятий массового отдыха, какие организуются сегодня в нашем ДК, проводить было нельзя.

Как получилось, что мы изменили проект? Васильев, молодой архитектор, показал мне проект клуба на заводе «Каучук» в Москве (автор проекта — архитектор К.С. Мельников, 1890-1974 — *прим. составителя*).

Очень понравилось мне то, что в театральной части, которая находится сбоку всего клубного комплекса, рядом со зрительным залом, с партером, имеется очень удобный просторный зал, как фойе (так у нас в итоге и было построено). Я за это дело ухватился и по приезде в Сормово очень настойчиво предлагал, чтобы мы проект изменили в соответствии с решением архитектора Васильева. Я копию проекта у него взял /*неразборчиво*/. Нашим Мичурину и Чистову было предложено свой проект переделать, с тем чтобы театральный зал из центра комплекса отнести в сторону.

Они это дело сделали, причём фундаменты под клубную часть были лишь немного переделаны в стороне театра. А то, что мы еще не делали фундаменты под сам зрительный зал, облегчило нам задачу.

Какой недостаток получился в этом новом проекте? Раздевалки вначале, в самом проекте, были указаны, где мы входим в театральную часть, там спускаемся вниз, и при входе до коридорчика есть две комнатушки (сейчас они закрыты). В проекте это были две малюсенькие раздевалочки. Уже в ходе строительства спохватились, что эти раздевалки нас нем удовлетворят.

И положение было очень серьёзное — хоть пристраивай новое здание специально для раздевалок. Именно так и предлагали архитекторы: в сторону теперешнего Парка культуры и отдыха делать пристрой — специально под раздевалки.

Я предложил вынуть из подпола театральной части грунт и в этом подполье устроить раздевалки. Но мы наткнулись на такую трудность: фундаменты под стены театральной части были уже заложены, ниже подушек фундамента вырывать землю, углубляться нельзя. И у нас оказалось недостаточно высоты для того, чтобы эти раздевалки там поместить.

В Канавинском ДК под полом зрительного зала можно увидеть массу столбов и огромные короба для вентиляции.

Конечно, площадь там у них не использована. И если бы мы по тому раннему проекту ту же самую систему вентиляции построили под полом зрительного зала, то, конечно, никаких раздевалок мы бы там не сделали.

Я внёс предложение: сделать несгораемые перекрытия над раздевалкой не в одной плоскости. Сейчас в раздевалке Дворца под полом зрительного зала можно увидеть: в тех местах, где проходят люди в большом количестве, потолок высокий, а там, где вешается одежда, там низкий потолок. Вместо того чтобы делать вентиляционные короба, я предложил сделать несгораемые перекрытия в разных уровнях, а поверх этого несгораемого перекрытия сделать самый обыкновенный настил пола. И получилось, что воздух, который надо удалить из зрительного зала, вытягивается по этому промежутку и по вертикальным каналам, которые находятся по бокам сцены — и вентиляция была обеспечена.

Та земля, которая была вынута и вывезена из-под пола зрительного зала, тоже пошла с пользой. Мы насыпали через Парашу дамбу — землю возили на тачках, никакой механизации не было, все работы производились вручную.

И таким образом, в вопросе с раздевалками мы вышли с честью.

Когда дело близилось к окончанию строительства, а строительные работы завершились в конце 1929 года, я был назначен директором Дворца культуры (тогда называли просто заведующим) с той целью, чтобы подготовить все дальнейшие работы и по планировке, и по отделке, и приспособить их уже к работе самого Дворца.

Приглашал я и инспекторов, и артистов, и физкультурников, и музыкантов, и разный актив, до поваров включительно, потому что у нас там и

кухня была организована с горячим питанием. Всё это в процессе работы вызывало некоторые переделки, например, меняли месторасположение перегородок, дверей (рубили стены в других местах). Переделки - не очень приятная вещь, но, в конце концов, в тех цехах, с которыми мне приходилось здорово ругаться, мне говорили, что по сравнению с Канавинским ДК, с которым мы соревновались, у нас значительно больше удобств. Этим и оправданы все переделки.

Конечно, это строительство было одно из первых в Советском Союзе, и против теперешних новых проектов оно, ясно, ниже по своим качествам.

В 1930 году 8 января я напросился у товарища Жданова перейти на работу по строительству Автозавода. Из пропагандистов я превратился в строителя, приобрёл к строительству вкус. И на время строительства Автозавода покинул Сормово.

Ну, а о строительстве Парка культуры и отдыха в полном объёме и строительстве стадиона разговор будет в следующий раз.

Я. КОКУШКИН,
начальник строительства парка

ПАРК КУЛЬТУРЫ В ТРЕТЬЕЙ ПЯТИЛЕТКЕ

Парк культуры имени Жданова включен в план реконструкции г. Горького, как один из крупных и первоочередных его объектов (постановление Горьковского Крайисполкома от 17 июня 1936 года).

Строительство стадиона, зеленые насаждения на бывших картофельных полях уже теперь определили границы парка. Строительство в текущем году стрелкового тира, организация площадок ГТО, военной техники, стенда для садочной стрельбы охотников, развитие базы собаководства и голубеводства — поведет к освоению парка на территории около Кооперативного поселка. Кстати, кирпичные сараи на этой территории парка подлежат выносу из пределов городской черты.

Участки парка к юго-западу от соснового бора предназначены для освоения их культурным строительством заводов «Новое Сормово», им. Орджоникидзе, имени 26 коммунаров и Нефтегаз. Необходимо, чтобы устройство входов в парк со стороны этих заводов, подходов к парку были бы произведены уже в этом сезоне.

Внутренняя планировка парка четко определится в текущем году с завершением работ по планировке участка пруда детского сектора, большой аллеи от существующего входа к будущей центральной площади, главного партера парка от территории в 5 га между Домом культуры и центральной площадью. Так же еще более четко определятся контуры большого пруда (водное кольцо вокруг стадиона) с его набережной от будущего главного входа к центральной площади. Проект парка архитектора С.М. Иванова наглядно определится на территории в 150 га.

Задача построить для трудящихся Сормовского и Кагановичского районов мощный комбинат культурного отдыха уже выполняется. Население этих районов возрастет до 155 тысяч в 1942 году. Культурные запросы

трудящихся также год от года растут. Все это обязывает завершить преобразование заброшенных болот и песков в цветущий сад.

Представленный в горплан план строительства парка предусматривает завершение, в основном, строительства парка, с затратами с 1938 по 1942 год:

— на строительство парка и расширение Дома культуры — 12,169 тысяч рублей.

— на строительство стадиона в секторе оборонной работы — 3,226 тысяч рублей.

Из новых крупных объектов строительства следует отметить:

— здание сзади Дома культуры, обращенное фасадом на главный партер (в этом здании будут размещены склады, мастерские для театра Дома культуры, ресторан, гостиница для приезжающих артистов, квартиры сотрудников Дома культуры, управление парком),

— Зеленый театр на 6 тысяч мест (существующий отойдет детскому сектору),

— монумент на центральной площади, возвышающийся над всей территорией парка,

— мосты через пруд, кольцом охватывающий стадион,

— детские учреждения.

Самой трудоемкой и ответственной работой по благоустройству территории парка явится расчистка болот под пруд площадью 115 га.Эта работа запроектирована:

I очередь - 1938-1939 гг. с капиталовложениями 800 тысяч руб.

II очередь - 1939-1940 гг. с капиталовложениями 700 тысяч руб.

III очередь - 1940 г. с капиталовложениями 600 тысяч руб.

Ряд мероприятий по организации производства этих работ значительно уменьшит сумму затрат.

Уже в настоящее время большое количество грунта вынуто для насыпки вала трибун стадиона без каких-либо расходов по оформлению пруда. Такие работы будут продолжаться и в текущем году.

Значительное количество грунта потребуется на планировку набережной и центральной площади парка — следовательно, расходы могут быть отнесены за счет планировочных работ. Именно это обстоятельство позволило свести к минимуму расходы по земляным работам на пруде детского сектора.

На болоте — участок к Кооперативному поселку — глубина залегания торфа достигает 3 метров. Выемка этого торфа на топливо вполне обеспечит нужную глубину пруда без затрат специально на пруд.

И, последнее — выемка грунта из пруда на нужды планировки городских улиц и площадей к реконструкции завода «Красное Сормово». Последнему потребуется свыше 500.000 кубометров балласта. При надлежащей механизации работ завод может вполне рентабельно взять весь грунт из запроектированной выемки для пруда, и этим сэкономить для парка сотни тысяч.

Опыт трех лет работы строительства парка дает много примеров решения сложных задач, хотя и значительно меньших по масштабу, чем стоящие в третьей пятилетке. Но первые годы вместе с тем и самые трудные годы. Парк еще не имел лица культурного мероприятия. Парк не имел надлежащей поддержки со стороны многих организаций. Лишь постоянная помощь райкома партии, настойчивость секретаря райкома тов. Мельникова могли продвигать дело строительства вперед.

Начало третьей пятилетки должно дать парку ускорение темпов его строительства.

«Красный сормович», 1937, 9 июля

ЗАЧИНАТЕЛЬ ПЯТОГО ЭТАПА ТРЕЗВЕННИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В НАШЕМ ОТЕЧЕСТВЕ

Кокушкин Яков Карпович
(1892 - 1984)

За несколько дней до начала проведения Всесоюзной межведомственной научно-практической конференции «Профилактика пьянства и алкоголизма в промышленном городе», которая состоялась в конце декабря 1981 года в г. Дзержинске Горьковской (ныне Нижегородской) области, в украинской республиканской «Рабочей газете» было помещено интервью А.Н. Маюрова с зачинателем пятого этапа трезвеннического движения в нашем Отечестве — Яковом Карповичем Кокушкиным. В газете тогда постоянно публиковались материалы клуба «Трезвость», который был одним из лучших в Советском Союзе.

Редакция

Родился Я.К. Кокушкин 29 декабря 1892 года в Сормове, в семье рабочего. Трудовую деятельность начал кочегаром на пароходе в 1909 году. Был призван в армию, служил на Дальнем Востоке. Избирался членом комитета Владивостокской организации РСДРП, членом редколлегии нелегальной газеты «Красное знамя» и подцензурных «Рабочий» и «Рабочий и крестьянин». Был членом Военного совета партизанских отрядов Приморья. Соратник Сергея Лазо.

В 1923-30 гг. Яков Карпович — инициатор и руководитель строительства Сормовского Дворца культуры. С 1930 по 1941 гг. работал на строи-

тельстве Горьковского автомобильного завода и Ижстальзавода. В 1941 году — военный комиссар госпитальной базы в г. Горьком. В 1942-1956 гг. работал на заводе «Красное Сормово», а затем воспитателем в молодежном общежитии.

Есть в деятельности этого человека еще одна сторона, которая стала широко известна читателям после опубликования в «Правде» его писем «Пьянство — нетерпимо!», «Если взяться по-рабочему!» — это борьба за трезвость. Я.К. Кокушкин является почетным председателем совета сормовского клуба «Трезвость». На эту тему по просьбе «Рабочей газеты» с ним беседовал наш внештатный корреспондент А. Маюров.

«В СОРМОВЕ ДЕЛАЮТ ТАК...»

рассказывает гость клуба Я.К. Кокушкин

— Яков Карпович, многие помнят Ваши выступления об уважении к трезвости. Из каких принципов Вы исходите?

— Я сейчас занимаюсь в инспекции по делам несовершеннолетних, где работаю с педагогически запущенными детьми. С такими вещами порой приходится сталкиваться, что любой на моем месте сказал бы: «Хватит терпеть!».

Я за то, чтобы человек сам отказался от употребления алкоголя. А дело это отнюдь не легкое, как некоторым кажется. Без воспитания в массах убежденности, что рюмка алкоголя не нужна, что можно и нужно жить хорошо, воздерживаясь от алкоголя, по-видимому, невозможна победа над эпидемией пьянства.

— Однако до сих пор бытует мнение, что, дескать, без алкоголя нельзя повеселиться, отметить праздник, просто отдохнуть.

— Мне кажется, искусственное взбадривание и искусственное веселье нужно людям со скучной душой. Знаю многих товарищей, которые навсегда перестали употреблять спиртное. Их ряды нужно расширять. У нас в районе действует клуб «Трезвость» при Сормовском дворце культуры, а сейчас ячейки трезвости создаются во всех цехах и отделах завода «Красное Сормово».

Чтобы поддержать клубы трезвости и превратить их в действенное массовое движение, Горьковский горисполком принял решение «О мерах по дальнейшему развитию клубного движения за трезвость». Цель — создать клубы трезвости в каждом дворце и доме культуры города.

— В чем же видится Вам содержание их работы?

— Прежде всего — формирование общественного мнения против всякого употребления алкоголя как гнилой привычки, подрывающей здоровье, наносящей большой ущерб быту, воспитанию молодежи, производству; организация борьбы против «алкогольных традиций», содействие органам охраны правопорядка в борьбе с пьянством; активное участие в массовых трезвеннических кампаниях, проводимых комиссиями по борьбе с пьянством.

— И в какие формы эта работа выливается?

— Доказывать преимущество трезвого образа жизни с помощью лекций, бесед, вечеров, организации свадеб, проводов в армию и других праздников без капли спиртного.

— Каковы дальнейшие планы у членов сормовского клуба «Трезвость»?

— Первое — создание ячеек трезвости на всех промышленных предприятиях Сормовского района, на стройках, предприятиях связи и транспорта. Второе — объединение ячеек трезвости в единое районное общество трезвости, затем — создание городского общества.

От редакции: *А.Н. Маюров назвал своего сына в честь Якова Кокушкина — Яковом. Сегодня Яков Маюров возглавляет Молодежную антинаркотическую федерацию России, которая стала некоторое время назад действительным коллективным членом Всемирного трезвеннического движения, возглавляемого IOGT.*

Г. ИЛЕСКИН (Г. Сурин)

ВСТРЕЧИ ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ

В декабре 1981 года в городе горьком состоялась Всесоюзная научно-практическая конференция «Профилактика пьянства и алкоголизма в промышленном городе».

Конференция - это не только доклады, выступления, выработка общих решений. Это - встречи, знакомство с единомышленниками и людьми, придерживающимися иных точек зрения. Одна из таких встреч в последний день конференции состоялась в Сормове, на квартире Якова Карповича Кокушкина. К нему, старейшему поборнику трезвого образа жизни, приехали ленинградцы - академик АН СССР, лауреат Ленинской премии Ф. Г. Углов, кандидат биологических наук Г. А. Шичко, кандидат технических наук Ю.Н. Федоров, из Киева - руководитель городского клуба трезвости А. Ф. Миролюбова, социолог из Орла И.А. Красноносов; председатель секции трезвости из Нижнего Тагила А. И. Брусницын, редактор многотиражной газеты «Высокогорский горняк» Л. А. Ушакова, ректор первого в стране университета противоалкогольных знаний В. Н. Добровольский из Харькова, В.С. Клименко, член клуба трезвости «Аве Вита» из Клайпеды, и другие участники конференции.

Одно перечисление имей, профессий и городов знаменательно - с каждым днём ширится и растет число людей, кто вступает в бой с пьянством, кто не хочет мириться с ним, кто неравнодушен к горю и страданиям матёрей, жен, детей, кто верит в победу над этим социальным злом.

В этот декабрьский вечер на Юбилейном бульваре собрались люди интересные, энергичные, увлеченные, нетерпимые лишь к одному - алкоголю. Здесь за чашкой чаю встретились единомышленники. Сама встреча - яркий пример того, что люди могут отдыхать без возлияний, что традици-

онное гостеприимство не страдает от отсутствия на столах бутылок, и радость общения не нуждается в искусственно создаваемом настроении.

Самые разнообразные темы и события были предметом обсуждения, делились впечатлениями от конференции, знакомства с Сормовом, встреч с людьми. С интересом слушали гости рассказ Якова Карповича о событиях, участником которых он был, - гражданская война, внедрение социалистического быта в Сормове. И каждый раз, подчеркивал он особо, отказ от рюмки и папиросы не мешал ему жить активной творческой жизнью, иметь друзей, находить общие темы для разговора.

Пропагандировать трезвость надо, прежде всего, личным примером - подчеркивал каждый участник этой неофициальной встречи. Все они дали высокую оценку той антиалкогольной работе, которая проводится в Сормове, в первую очередь, членами клуба «Трезвость».

- Мы должны пропагандировать полный отказ от употребления алкогольных напитков, — подчеркнул академик Ф. Г. Углов.

Поясняя его мысль, социолог И.А. Красноносов заметил, что люди должны всегда ставить перед собой высшую цель. В антиалкогольной пропаганде - это полное исключение употребления алкоголя. Убедить, доказать необходимость и возможность трезвого образа жизни для каждого человека - вот на чем должны сосредоточить свои усилия все, кто борется с пьянством.

В этом были единодушны все участники встречи. Это и не удивительно, ибо собрались единомышленники. Однако есть и иные точки зрения, другие взгляды, разный подход к решению этой острой проблемы. Несостоятельность этих взглядов доказали ученые Г. А. Шичко, Ю. Н. Федоров и другие.

Много интересного и поучительного рассказали практики - люди, ведущие антиалкогольную пропаганду в рабочих коллективах, по месту жительства. Взволнованно говорила журналист Ушакова - руководитель общества трезвости в Ленинском районе Нижнего Тагила. По роду своей работы и общественной деятельности она часто сталкивается с семьями, где поселилось горе. Как им помочь? Как отвратить человека от «зеленого змия»? На эти вопросы ищут ответы активисты недавно созданного районного общества трезвости. И встречи с людьми, накопившими в этом деле немалый опыт, были для нижнетагильцев полезны.

Одним из непримиримых борцов с пьянством является Анфиса Федоровна Миролюбова. Почти десять лет ведет она активную борьбу с этим

социальным злом. Начала потому, что столкнулась с ним в своей семье. Вскоре она поняла, что бороться с этим несчастьем в одиночку нельзя, и обратилась к общественности, партийным и хозяйственным руководителям, врачам, педагогам, работникам милиции. Не всегда и не везде принимали всерьез, не верили ей, но настойчивость, вера в людей оступившихся победила. Ныне Анфиса Федоровна руководит городским клубом трезвости «Аметист», является членом секции республиканского общества «Знание», членом секции профилактики антиобщественных проявлений на почве пьянства при городской комиссии по борьбе с алкоголизмом.

Работа активистов признана и оценена. А каков эффект ее? Хоть и трудно в воспитательной работе оперировать цифрами, они есть, и внушительные. Весной этого года в киевском концертном зале «Юность» состоялся необычный вечер встречи. На нем присутствовало более 500 человек - мужья, жены, дети. Многие из них впервые собрались семьей для культурного отдыха, потому что кто-то из родителей, а может, и оба, топил в вине семейные заботы и радости. 135 семей зажили счастливо, освободившись от пьянства родителей.

- Ради благополучия одной семьи, ради счастливого детства одного ребенка не нужно жалеть сил, энергии, времени большой группы людей, - утверждает А. Ф. Миролюбова.

Так считают все участники этой встречи.

Газета «Красный сормович», 23 декабря 1981 года

Людмила РУБЦОВА

ВРУЧЕНИЕ ЗНАКА «50 ЛЕТ ПРЕБЫВАНИЯ В КПСС»

В Сормовском райкоме КПСС состоялось вручение трем ветеранам партии — большевику с дореволюционным стажем **Якову Карповичу Кокушкину**, члену КПСС с 1924 года заместителю председателя совета ветеранов партии **Степану Александровичу Шишкину** и коммунисту с 1924 года **Александру Степановичу Годяеву** — знаков «50 лет пребывания в КПСС». На торжественное вручение знаков прибыли член ЦК КПСС, первый секретарь Горьковского областного комитета КПСС Ю. Н. Христораднов и первый секретарь городского комитета партии А. А. Соколов. Здесь собрались члены бюро Сормовского райкома КПСС и исполкома районного Совета народных депутатов, представители партийных и комсомольских организаций района.

Вступительным словом собрание открыл первый секретарь Сормовского РК КПСС Б.П. Шайдаков. Он сказал, что первый знак «50 лет пребывания в КПСС» был вручен Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу.

— Вся биография, жизнь ветеранов, — сказал Б. П. Шайдаков, — неразрывно связаны с деятельностью нашей партии, беззаветным служением ей на любом посту, с историей нашей социалистической Родины, с судьбами и свершениями советского народа, с родным Сормовским районом.

Яков Карпович Кокушкин начинал кочегаром, Степан Александрович Шишкин — нагревальщиком. Трудовая биография Александра Степановича Годяева началась на заводе Сормовском заводе, куда он пришёл в 1914 году и откуда его в 1971 году проводили на пенсию с должности заместителя главного технолога завода.

С их судьбами неразрывно связано становление Советской власти. От рядового до начальника политотдела военного совета партизанских отрядов Приморья — вот путь, пройденный в огненные годы гражданской войны Я.К. Кокушкиным. Боролся с бандитизмом и спекуляцией молодой милиционер Нижегородской милиции С.А. Шишкин. Выполнял военные заказы строгальщик А.С. Годяев.

В годы первых пятилеток вместе со всем советским народом трудились они на заводе «Красное Сормово», участвуя в создании советской индустрии. А когда началась Великая Отечественная война, участвовали в строительстве легендарных танков-«тридцатьчетверок», в цехах ковали победу над врагом.

Большой трудовой путь пройден ветеранами, и Родина высоко оценила их заслуги, наградив Я.К. Кокушкина и А.С. Годяева орденами Ленина, с именем и делом которого они навсегда связали свою жизнь и судьбу.

Ветераны всегда в строю. И на пенсии они продолжают активно участвовать в жизни района, Сормовской партийной организации. Ветераны — частые гости в школах, клубах района, на предприятиях и в организациях. Инициатором движения трезвости стал в Сормове Яков Карпович Кокушкин, которому в этом году исполняется 90 лет. Яков Карпович продолжает вести большую работу по воспитанию молодого поколения, пишет книгу на основе автобиографического материала. Активно работают в совете ветеранов партии заместитель председателя Степан Александрович Шишкин и член совета Александр Степанович Годяев.

Вручая знаки «50 лет пребывания в КПСС», первый секретарь обкома КПСС Ю.Н. Христораднов отметил, что Я.К. Кокушкин, С.А. Шишкин и А.С. Годяев относятся к когорте ленинцев, выдержавших немалые испытания и пронесших с честью высокое звание члена партии через всю свою жизнь. Они и теперь активные бойцы, передающие свой богатый опыт молодому поколению, способствуют решению задач, стоящих перед трудовыми коллективами в выполнении планов одиннадцатой пятилетки и достойной встрече 60-летия образования СССР.

Ю.Н. Христораднов сердечно поздравил ветеранов, пожелал им здоровья, долгих лет жизни. Пионеры преподнесли им красные гвоздики.

От имени районного совета председатель Б.И. Белопросов поздравил ветеранов партии с вручением знаков.

Ветеранов от имени общественности, рабочих завода «Красное Сормово» приветствовал кандидат в члены ЦК КПСС, депутат Верховного Совета РСФСР, бригадир судосборщиков завода «Красное Сормово» К.Н. Панов, от молодого поколения — первый секретарь Сормовского райкома ВЛКСМ Г. Сучков.

С ответным словом выступил Я.К. Кокушкин. Он заверил, что ветераны партии будут и впредь передавать свой опыт и знания молодым, воспитывать молодежь на славных боевых и трудовых традициях сормовичей.

Затем ветераны партии сфотографировались на память.

«Красный сормович», 1982 г.

Памяти товарища

КОКУШКИН ЯКОВ КАРПОВИЧ

17 июля 1984 года скончался член КПСС с июня 1917 года, персональный пенсионер союзного значения Яков Карпович Кокушкин.

Я. К. Кокушкин родился в 1892 году в семье рабочего в Сормове. Жизненный путь, пройденный Яковом Карповичем Кокушкиным, является примером беззаветного служения Коммунистической партии, советскому народу.

Свою трудовую деятельность он начал кочегаром парохода, затем работал на заводе «Сормово». В годы первой мировой войны, находясь на военной службе, Я. К. Кокушкин принимал активное участие в революционном движении и вступил в члены РСДРП (б).

После Великой Октябрьской социалистической революции Я.К. Кокушкин принимал непосредственное участие в становлении Советской власти на Дальнем Востоке. Был военным комиссаром, политуполномоченным Военного совета, начальником политотдела Военного совета партизанских отрядов Приморья. С 1923 года трудовая деятельность Якова Карповича Кокушкина была неразрывно связана с Нижегородским краем. Он был в числе активных строителей первенца отечественного автомобилестроения - Горьковского автозавода и других важных народнохозяйственных объектов, многие годы работал на заводе «Красное Сормово» им. А.А. Жданова.

Находясь с 1951 года на заслуженном отдыхе, Яков Карпович много сил отдавал общественной работе, коммунистическому воспитанию молодежи на лучших традициях рабочего класса.

Я. К. Кокушкин был принципиальным коммунистом, трудолюбивым работником, простым и скромным человеком. Его отличали высокая от-

ветственность за порученное дело, чуткое и внимательное отношение к людям. За заслуги перед Родиной Я.К. Кокушкин награжден орденом Ленина и многими медалями. Ему вручен знак «50 лет пребывания в КПСС».

Светлая память о Якове Карповиче Кокушкине, замечательном коммунисте и человеке, навсегда сохранится в наших сердцах.

Ю.Я. Христорадиов, В.И. Семенов, Б.В. Захаров, И.З. Борисова, Д.Д. Грязной, Г.И. Хоменко, А.В. Алексеев, М.И. Гогин, Ю.Г. Данилов, Н.В. Исаев, А.Д. Клопов, К.Н. Панов, А.А. Соколов, А.П. Веров, А.А. Катюшин, А.М. Макиевский, Б.В. Ерехинский, Б.П. Шайдаков, А.А. Иванов, Л.В. Ряхин, Н.Г. Волков, Б.И. Белопросов.

«Красный сормович», 1984, 20 июля

Памяти товарища

Л.В. МОСКОВКИНА

После тяжелой и продолжительной болезни на 75-м году жизни скончалась старейший детский врач объединения больницы №17 Сормовского района, член КПСС с 1947 года, наш верный друг и коллега Московкина Лариса Васильевна.

Л. В. Московкина родилась 26 марта 1905 года в Сормове, в семье служащего. После окончания женской гимназии, в 1922 году поступила на медицинский факультет Нижегородского государственного университета, но в 1924 году ввиду болезни вынуждена была оставить учебу. В 1935 году без отрыва от работы поступила на вечерние курсы по подготовке в вуз, а в 1936 году - в Горьковский медицинский институт на педиатрический факультет, который окончила в 1941 году, получив звание врача-педиатра.

Свою трудовую деятельность Л. В. Московкина начала с 15 лет. Работала преподавателем начальной школы, ликвидатором неграмотности при Сормовской комиссии ликбеза, культработником Дома матери и ребенка, сестрой Сормовского родильного дома, патронажной сестрой при Сормовской женской консультации, председателем местного комитета при Сормовской больнице № 1 (ныне больница №12), председателем Сормовского районного отделения союза медсантруда, управляющей делами Сормовского райисполкома.

Окончив мединститут, Л. В. Московкина направляется в детскую консультацию №20, но в начале Великой Отечественной войны была мобилизована в эвакогоспиталь, где работала в течение всей войны сначала врачом-ординатором, а затем заведующей отделением.

После Великой Отечественной войны Лариса Васильевна была переведена в детскую консультацию на должность заведующей консультацией. В период с 1952 года по 1956 год Л.В. Московкина работала главным врачом объединения больницы № 17, с 1962 года ушла на заслуженный отдых.

Всю свою сознательную жизнь Лариса Васильевна посвятила самому гуманному делу - воспитанию и лечению детей. Все свои силы и знания, всю свою кипучую энергию она отдала делу развития здравоохранения, охраны материнства и детства Сормовского района.

Медицинские работники Сормова знали Ларису Васильевну как чуткого, отзывчивого товарища, человека большой души, врача высокой квалификации, талантливого организатора Сормовского здравоохранения.

Память о верном друге и товарище навсегда останется в наших сердцах.

Группа товарищей

«Красный сормович»,. 1980 г.

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Биографическая повесть о детстве написа на Яковом Карповичем Кокушкиным как первая часть романа «Весна Человечества». Собрана из разрозненных листов черновика и отредактирована Ю.В. Махаловым.

Яков КОКУШКИН

ЯНЬКА

1

...и предстал мир маленькому Якову: над большущей тарелкой-землёй, накрытой таким же большим голубым абажуром неба, как у лампы, что с вечера зажигала Мамаша, солнце - как лампа.

Но кто рано-рано зажигает солнце, когда Янька еще в постельке?

- Бох! - говорит Мамаша.

- Бох? - о боге Яша уже знает. Он в темном углу в ящике подвешен, в киоте, за стеклом от мух, а чтобы его лучше было видно, горит лампадка. Так Мамаша пояснила.

Он старенький, с седой бородой и сердитый, как дедушка. За головой у него солнце, но не настоящее, а желтой краской нарисованный круг.

- Мамаша, а как он на небо залезает? Где лестница?

- Яшка! Дурачок, он на небе и живет, а это его святой образ.

Яша делает недовольное лицо. Он думал, что все знает, а тут такое открытие! Бох поверх абажура, значит?

Так и есть: Бох льет дождем через абажур, как через дырявую крышу, или стряхивает снег. Яша уже сам стряхивал снег с погреба. Он маленький, но хочет всё знать, потому расспрашивает:

- Мамаша! На чем земля держится?

- На трёх китах. Так по Писанию. Пошевелятся - земля трясется.

От нее он услышал, что есть где-то море, на море Чудо-юдо рыба-кит.

- Так киты-то на чём?

- На воде.

- А вода на чем?

- На земле.

- А земля?

Мамаша сердится: «Что ты, Янька, Бог с тобой. То только Богу известно».

- А есть кто, кто больше Бога знает?

- Што ты, што ты, кто больше Бога узнает, того Бог ума лишит. Много будешь знать, скоро состаришься.

- Как ты? Или как дедушка? Он всё знает?

- Из людей никто больше Бога не знает.

Если бы не милость Божья, ничего бы не было. Земля не родила бы ничего, сухая была. А вот родит, как вспашут, и рожь, и пшеницу. И мельница бы не работала, да и есть было б нечего.

- Откуда Линда течёт и куда?

- От Филипповок, там Бугров богадельню выстроил, а что дальше - мне неизвестно. Течет же в Волгу, к Сормову.

Что такое? Оказывается, Яша и не всю землю знает.

- А за Сормовом что?

- Нижний.

- А за Нижним?

- Там, поди, Москва.

- За Москвой?

- Тут уж край света.

Мамаша каждый день кладёт земные поклоны. И посты соблюдает строго. Всё будет хорошо, только по Богови надо делать.

Папаша не так строг в вере, с никонианами дружбу водит.

Как-то мамаша подглядела: Янька через соломинку, чтоб следа не было, высасывает молоко из кринки. Дело было в Великий пост.

- Ах-ах-ах, грех-то какой, - запричитала Мамаша, - у меня и на уме не

было, почему молоко садится. Но Бог-то видит! Вот он тебя камушком с неба, камушком по головушке.

- А я и в Рождественский пост сосал, - угрюмо сознаётся Янька. - И ничего. Бог проглядел.

- Бог-то много терпит, да не милует. Смотри, Янька, не на этом свете, так на том накажет!

Оказалось, за грехи Бог карает не сам, а его супостат, противник извечный - Дьявол.

Бог над землёй, Дьявол под землёй. Кто без греха проживет жизнь, тому после смерти вечное блаженство в раю. Кто в грехах, тому - вечная мука в аду. Но грех можно замолить. Всё было бы на свете хорошо, если бы не Чёрный. Мамаша даже имя его боялась произносить. Грех. Он об одно время с Богом народился и супротив Бога пошёл. Потому и Супостатом прозывается.

А ведь и верно — так. Бог-свят-свет. Добро. Супостат - чёрный, тьма. Зло.

А кто кого сильнее - это и для Мамаши большой вопрос.Чёрный толкает человека на черные дела, на мирские соблазны, на грех. Бог требует добрых дел, поста, молитвы. Согрешишь - не согрешишь, всё одно - молись. И день и ночь.

Яков становился перед киотом с другими, бил земные поклоны. Чтобы не в ад, под землю, после смерти, а без пересадки - в рай. Надо верить. Верующий получит жизнь вечную в царстве небесном, неверующий вечно будет гореть в адском огне. Жить надо не по своей, а по Божьей воле.

За вечерней молитвой Мамаша перелистывала Псалтырь. Янька увидал заглавную букву «Он» - О с титлом над ней - очень похожую на рожицу. Стал донимать её: «Мамаша, покажи цыгана». Другой раз в молитве ему послышалось слово «мышь»: «Мамаша, покажи мышь».

Заставляла и Яньку учить молитвы. Запоминал лишь начало: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, молитв ради ...» или «Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу и ныне, и присно...»

Якову не всё понятно и скучно - бегом в казарму.

2

Папашу пятнадцати лет от роду дед послал на завод - заклепки подавать клепальщикам на берегу и «шарманку» -вентилятор крутить у переносного горна. На семи ветрах, при любом морозе клепали корпуса пароходов. Клал папаша в горн - такая переносная раскалённая печка - заклёпки, где они разогревались до красного цвета, и когда клепальщик кричал «давай!», подавал вместе с клещами.

Так с утра до обеда - пять часов. Обед — час. Кто близко - а дедушкин дом рядом - домой ходил. После обеда ещё пять часов - это закон. Но мастер требовал, чтоб урок непременно кончить, потому приходилось и сверх прихватывать.

И быть бы Папаше клёпальщиком на всю жизнь, ну мастером, на худой конец, на берегу затона работать, но в Механическом цехе Глеб, дядя родной, мастером. Определил учеником слесаря.

Дали ему работу: подносить, уносить, и за верстак. Через год-два стали давать самостоятельную работу. Лет десять ходил учеником слесаря и был счастлив, когда давали работу наравне со старшими. Любил работу нужную. Учился он сборке пароходных машин у механика завода Калашникова, грамоту самоучкой постиг, нравился Калашникову. Цех Механический не то что чугунолитейный или мартеновский, или кузнечный, или болтовой в жаре, в дыму, в пыли и грязи. Слесарей, токарей аристократами на заводе звали.

Дедушка в молодости плотником на постройке больших лодок с палубами, рыбницами прозывались, работал. Завода ещё не было, а первый пароход на Волге он бегал с мальчишками смотреть с песчаной косы затона. Вот чудо: ни одного бурлака на берегу, никакой бичевы, колотит по воде плицами колёс и идет. Против течения прёт, да баржу за собой тащит на буксирном канате.

Рыбницы перестали делать, все пошли на завод. А завод стал не только пароходы строить, но и вагоны, паровозы. На берегу мосты для рек Сибири, резервуары под нефть клепали. В Сормово стало стекаться народу всякого. Сормовичи, коренные строили дома уже не только для себя, но и сдавали квартиры пришлому люду. Сталевары, кузнецы, просто чернорабочие - снимали углы. Семьи в деревне. Привозили картошку, капусту. Из заработка платили подати.

Труд каторжный, но хоть так просуществовать.

Теперь дедушка промышлял дровами. Покупал в Балахнинском лесничестве делянки подгоревшего леса на реке Унже - плоты на сплав по полой воде. В Сормовский затон наемной артелью, которая и для заводской лесопилки накатывала горы брёвен, приводил. У дедушки, понятное дело, лишь столько, сколько двуручной пилой управиться. Но пилить одному несподручно, и дедушка велел Осипу - младшему сыну - браться за другой конец. Осипу не по душе это, не старался, а дед ругал его нещадно:

- Аспид ты окаянный! - то адский змий, который сосёт души грешников. А Осип отца из души в душу, значит - по-матерному.

К этому времени вот что подошло: погорел сосед Батраков. Пьяный на сеновле закурил. Сам-то чудом спасся. Но сеновал, лошадь, да и дом с крытым двором, конюшней сгорели дотла.

До пожара Батраков для дедушки на своей лошади в огород своего дома лес возил — не хватало места, а это совсем рядом. Огород Батракова выходил на Глухую улицу, а дом - на Узко-Заводскую (сегодня — улицы Свободы и Восстания — *прим. ред.*). Огород ему был ни к чему.

- Бог не без милости, глядь-ко, дошла до него молитва, - сказала бабушка, когда дед пообещал Батракову: «Тебе я дом построю, но окнами на Глухую, а себе - на Узко-Заводскую. И зачем тебе лошадь покупать? Я куплю и в свою конюшню поставлю. Вот и будешь вроде как хозяин - один на лошади работать. Ладно?»

А перед «ладно» бутылку казёнки ему выпоил.

- Ла..дно, - икая, ответил тот.

- Вот здесь подписывай.

- Я же неграмотный.

- Ну ставь вот здесь крестик своей рукой, а печать писарь в волостном правлении поставит. Я его уже уговорил, так что тебе и в волость не надо являться.

А в волости давно ждут Батракова. Недоимки за ним накопились.

- Я и недоимку твою погашу.

- Лла...дно.

Деньгами дедушка Батракову дал немного.

Батракову Осип и скажи - продешевил, мол.

Оба с горя пропили всё разом.

Дедушка из дровяного леса Батракову избушку о двух окнах на Глухую улицу построил, а потом - о четырех на Узко-Заводскую двуэтажный. Себе низ, Карпу - среднему верх. Александру - первенцу - старый, по завещанию. А Осипу ничего!

Батраков пил и пил, дедушке самому пришлось с лошадью управлятся, а Осип наденет лапти, чтобы люди об отце судачили, чтобы отца позорить, и с такими же по Узко-Заводской, по середине, прямо по грязи, ходят с гармошкой и горланят чуть не в ухо дедушке:

«Милые родители
Дулю не хотите ли?»

Или:

«Нам хотели запретить
Гулять по Сормову ходить.
Стены каменны пробьем —
Гулять по Сормову пойдем!»

Дедушка терпел-терпел, да к становому:

- Ваше благородие! Ослобоните от такой напасти.

Осип не дожидался этого. В осеннюю темную ночь поджог дом с угла, где спальня Папаши, заднюю часть. Спереду, где дедушка с бабушкой, поопасался, что скоро заметят, что и убежать не сумеет. И как сквозь землю провалился. Говорили, в Барнауле видели.

3.

В Сормове собирали паровую машину на пароход «Норд» - заводчику Курбатову, тот спросил Калашникова, кого бы к нему машинистом?

Тот, конечно, - Папашу. (Так говорили Якову, его ещё не было на свете).

«Норд», пароход буксирный, ходил далеко с Волги в Верховья Камы. Баржи с чугуном, железом водил - у Курбатова свой заводик был в Нижнем.

Зимовку 1892 года «Норд» имел в затоне на реке Белой, под Уфой. Вот тогда-то и появился на свет Яков.

Двух лет не было, как он едва не погиб при пожаре в дедовском доме в Сормове. У папаши с мамашей всё сгорело.

Папаша на пароходе. Мамаша одежонку стала спасать, наглоталась дыму. Митя, Саша, Тоня сами выбежали, а про Якова в зыбке и забыли в суматохе. Сам-то он не выскочит. Но опамятовались, вытащили, а огонь уже через разбитое окно стену лизал.

Выручил такой случай:

За Сормовом по течению Волги - Нижний. Там мать Мамаши живет. Янькина бабушка. Другая дочь бабушки, что жила в Нижнем, была замужем за Иваном Шавиным, директором курбатовского завода. Завод внизу, под горой - близко от дома бабушки (сейчас это завод им. Воробьева — *прим. ред.*)

Дядя Иван, конечно, к Курбатову вхож, а там Башкиров - миллионер, мукомол. Свои люди, собирались семьями. Как-то разговорились. Башки-

ров пожаловался: на мельнице у него машинист спился. А пьяница — значит, жулик. Другого, непьющего, ну никак не найти. Те, кого знает, говорят: место и близкое бы, но глухое. Дети подрастают, и где учится им?

А машинист нужен, чтобы дело знал - и ни капли в рот.

Тут сноха Карпа, жена Шавина, вмешалась в разговор: «Вот кого возьмите, - указала на Курбатова, - у него на «Норде» машинист есть. Он нашей старой веры, и гораздо к вину непреклонен».

Башкиров - к Курбатову:

- Идет?

- По рукам!

- Ты его сам нашел?

- Сам.

- Как?

- Я строил на своём заводе буксирный пароход, а машину заказал в Сормове. На сборке и установке машины слесарем от Сормовского завода работал Кокушкин. Он самоучка, но делу учился у Кабачинского и Калашникова. Их ума пароходы - лучшие на Волге. Пригляделся я к Кокушкину, и говорю: «Пойдешь ко мне механиком?» А он чудак-человек! Даже не поторговался. Видать, хотелось ему свою силу попробовать. Пошел. Золотые руки! А голова!

Так Папаша с семьёй оказался на реке Линде, на мельницах богатейшего мукомола Николая Башкирова.

4

Издалека, из-за избушек деревни Мысовки, что на холме, на краю земли, течет река Линда через всю землю к другому краю.

В зарослях тальника, на той стороне за Линдой громадный деревянный дом. Это мельница. Чуть левее - меньший каменный. Высоченная железная труба вечно дымит - тут машина. Папаша - машинист.

Правее мельницы амбары. Амбары с пшеницей, с просом. Амбары с мукой, с пшеном. Еще правее два домика. Один - контора, у всех на виду, другой - в саду. Там доверенный хозяина.

Яков, еще маленький, смотрит из Папашина с Мамашей окна. Дом на этой стороне, перед Линдой. Дом большущий, трехэтажный, красного кирпича. Вверху - Папаша с Мамашей занимают квартиру, рядом - крупчатник. За ним, через коридор - просянщик. Этажом ниже - казарма мукосеев,

кочегаров, мастеровых. Маслёнщики, они побольше получали, жили на «фатерах» в Мысовке, в деревенских избах.

Внизу — ночлежка для тех, кто не всё время у хозяина: грузчики, возчики, прочие чернорабочие. Кухня большая. Кормежка от хозяина. Мамаша - кухарит.

Как только Мамаша загремит на кухне чугунами, горшками, ухватами, иногда чуть позже, от края земли, от Мысовки поднимается по голубому небу солнце.

Когда Папаша приходит сердитый, усталый, голодный, а то и раньше, солнце опускается под другой край земли за тальники. Тогда нет перед глазами ни земли, ни голубого неба. До «ку-ка-ре-ку», до петухов в Мысовке царит на земле нечистая сила.

Казарма длинная. Вдоль стен сплошные нары. Между нарами проход и длинные столы со скамьями. Приходит с мельницы смена - дневальные приносят с кухни щи, кашу в большущих долблёных, как корыто, деревянных чашах. Мукосеи, кочегары, мастеровые - смена - черпают раскрашенными деревянными ложками из корыт до дна. Почерпнут - и ложку к хлебу. Потом каждый на своё место на нарах спать ложится. Без мамаш. В деревнях остались мамаши с маленькими. Им в казарме места нет. И у крупчатника с просяншиком маленьких нет. Только Яков постоянный гость в казарме, и зовут его ласково Приятель. Один на всех. Бездомным, бездетным людям Приятель - живая игрушка, на приобретение, на поддержание в порядке которой не требуется ни затрат, ни хлопот.

Приятель очень умело, тонко подражал старшим, до матерщины включительно.

- Эй, Приятель, иди приляг. Сказку скажу.

Оказалось, еще есть земли, а там в некоем царстве, некоем осударстве жил-был Царь-Осударь. Построил царь агромадный дворец. И вот, налетают и налетают по ночам рогатые черные черти. Жить нельзя. Стоит дворец пустой год, стоит два, стоит десять. Заставлял Приятель пересказывать сказку не раз, не два. Особенно нравилось ему вот что: солдат Яшка - Медная Пряжка обыграл чертей в карты, и посадил их в мешок. Царь на радостях выдал за солдата свою царскую дочь.

Еще более любо было Приятелю: солдат Яшка - Медная Пряжка из топора суп сварил, сам наелся и старуху-скрягу накормил.

В Масленицу в казарме делали представление. Царь Максимельян судил своего сына родного за измену. На сдвинутых в дальний конец про-

хода столах - это сцена - рыжий, краснорожий, в красной рубахе мукосей Иван-Царь. Корона из картонки, борода из пеньки. Вокруг стража с топорами и тоже в праздничных рубахах. Царевич в рогоже. Его поведут на плаху к чурбану, у двери рубить голову.

У Приятеля сердце стынет, и у всех тоже. В казарме полным-полно. Лишние скамьи задвинуты за нары. В проходах и на нарах обе смены и мамаши мукосеев из деревень, что поближе.

Царь Максимельян строго вопрошает стражу:

- А дорога-то какая?

- Пенья да коренья, ваше царское величество! - молодцевато восклицает передний.

- Рубить пенья-коренья!

Тут самое веселое в представленье: двое пошли передом и как начали махать у самого пола топорами, как загогочут гусями. Мамаши завизжали и мигом на нары. Мужики затопали сапожищами. И все не спускают глаз с поникшей головы бедного царевича, идущего медленно среди вскинутых топоров.

5

По праздникам, а перед большими и накануне, читала Мамаша для всех по Божественным книгам. Для Яши она читала псалмы царя Давида.

Яков маленький, а думал, думал - расспрашивал. У Мамаши на всё готовы ответы:

- Знает Бог. Так нужно Богу.

Бывало, что Дьявол искушал и Мамашу: а так ли? а если? Дьявол больше Бога знает? Но потерять веру — значит, потерять разум, сбиться с пути праведного. Сгинь, сгинь, Лукавый!

Если греховные мысли особенно донимали Мамашу, она брала лестовку - ремешок с нашитыми бугорками - и перебирая бугорки пальцем, произносила одну и ту же молитву на каждом бугорке: «Осподи, помилуй, Осподи, помилуй, Осподи, помилуй, помилуй, Осподи...» - пока не поможет, пока мысли не отойдут, Лукавый не отпустит.

Мамаша узнавала будущее по приметам. Головешка в печи - гости будут. Нож упал - мужик придет, ложка упала - бабе быть. И по сновидениям - тут уж не так уверенно. А больше о приснившемся говорилось тогда, когда что-либо, пусть отдаленно похожее на сон, на деле сбывалось.

Мамаша читала книги только толстенные, в коже, с медными застёжками, например - Псалтырь. Почитает, застегнет и вздохнет облегчённо: «Помяни, Осподи, царя Давида и всю кротость его».

Папаша читал книжки без застежек, но Мамаша ругалась. Папаша и говорил мало при Яньке. Чаще за обедом и то когда что-нибудь в машине случалось. Он не винил масленщиков, кочегаров, даже своего помощника - винил себя. А если и ругал - самого себя: «У-у-у, Сазан Иванович!» Получалось, святого Карпа он с выражением поносил, как глупую рыбу.

Масленщик, кочегар, сам помощник, с которым папаша делил ночные смены, изо всех сил старались не подводить Карпа Ивановича. Однажды Яков видел папашу особенно озабоченным. Он чертил на толстой бумаге карандашом, потом тушью, начисто, дивную штуковину. Начертил, стал довольным, разговорчивым: «Теперь пошлю в Сормово».

Оказалось, Линда по тальнику течет в Волгу, а на другом берегу Волги - завод. Там сделают до зарезу нужную Папаше железину для машины. Весной Линда размыла плотину у моста. И мост, и плотину, как говорил Папаша, делал он. Плотину звали «миллионкой» - дорого по весне обходилась латать.

Написал хозяину. Хозяин ответил: сам строил - сам и починяй. Тогда Папаша нанял забивать сваи пяток босяков-подлодочников, что под лодками перевернутыми вверх дном ночуют.

Приехал сам хозяин. Рожа красная, как у мукосея Ивана, серые глаза мутные, а живот как у мамаши, когда она последний месяц Нюркой ходила.

Босяки окружили хозяина и заломили цену больше той, что рядились с Папашей: ветер, вода как лёд. Хозяин отказал, разошлись недовольные друг другом.

Подлодочники на подмости, укрепленной на свае, ухватив «бабу» (короткое тяжёлое бревно), за ручки поднимали её и с силой, под «Дубинушку», опускали на верх сваи, окованной железом. Завидя хозяина, запевала дал озорную запевку:

«Мы хозяина уважим —
Через ухо нос покажем!
Эх, дубинушка, ухнем!
Раз, зеленая, сама пойдет,
Идет- идет, идет-идет,
Идет!..»

Хозяин знал, что требуется, иначе запоют такую срамоту - хоть святых выноси. Велел Папаше послать за водкой.

Как-то за обедом Папаша говорил мамаше:

- Еще написал хозяину, чтобы прибавил жалованье.

- А он что?

- Пишет: «За Богом молитва, за царем служба не пропадает».

- Так как же?

- А вот так! Кто ему и как богатство-то кует? — с укоризной говорил Папаша. - Пшеница снизу из Сызрани почем? Немного дороже, чем когда её бурлаки бичевой сюда тянули. Но сколько хлеба бурлаки дорогой съедали? И сколько привозили? Смех. А пароходом на барже? Зараз сто тысяч пудов! Смолоть. Сколько смелешь на водяной? И во что это обойдется? А тут мазут из Баку, пароходом тоже, там он нипочем, никому не нужен. Из нефти только керосин да масла смазочные гонят. Бензин тоже применяют мало, на воздух больше выпускают. Теперь посчитай, во что обойдется смолоть паровой машиной. А мука-то лучше смолота и намного дешевле, чем при бурлаках. Понимаешь, сколько наш хозяин в карман кладет? У него, говорят, уже шесть миллионов золотых рублей в банке. А что сам хозяин делает? Только что капитал у него накоплен, вот он капиталом и ворочает. А без капитала его любой мукосей в деле за пояс заткнёт, а маслёнщик и подавно.

- Грех какой - зависть, - говорит Мамаша, - от Лукавого она, и богатство от Лукавого. Истинно сказано в Писании: легче верблюду в игольное ушко пролезть, чем богатому в Царствие Небесное.

Лицо Папаши перекосилось презрительной улыбкой:

- Хозяин смеётся над Писанием, а своё дело делает. Но и нам подумать о своей голове надо. Клавдия на выданье - приданое готовь, Александра подрастает — тоже. Митрий в городе, ему надо одеться, пить-есть подавай. Антонина, ну ладно, Царство ей Небесное. Яков, Валентина, Глафира, Анна появилась. Дальше кто будет?

6

Митя, брат Якова, учился в Кулибинском ремесленном училище. Кулибин тоже в Нижнем давным-давно жил. Знаменитые часы императрице изобрёл, мост арочный, сильнущий фонарь. О пароходах тогда и помину не было, а он о них думал.

Митя в летние каникулы дома, на мельнице. Он с утра до вечера с удочкой на Линде. Рыбы в Линде много, но мелкой. Все же к вечеру Митя приносит на жарёху для всей семьи.

Пробовал и Яков сесть рядом с Митей на берегу, закинуть удочку.

Надо ждать, пока клюнет какая-то дура-краснопёрка. Вытащил - опять ждать. Нет, ждать - это не по Якову. Бросил удочку и больше с Митей не ходил. Якову всё нужно узнавать новое, новое, новое.

Всё, в пределах изгороди с домом, сараем для дров, сараем для кухни с погребом, конюшней, коровником, свинарником, на этой стороне Линды было давно просмотрено. Яков попробовал покататься на дворняжке, но та сбросила его и укусила за палец. Тогда и решил он перейти по мосту на ту сторону, Он бывал уже там, около мельницы, но на этот раз его привлек к себе красивый фасад домика и проволочная изгородь сада перед ним. В саду утопал в зелени яблонь с румяными яблоками, кустов вишен и малины домик доверенного. По садику от калитки проходили чистенькие дорожки, посыпанные дресвой - толчёным красным кирпичом. По краям росли и цвели невиданные цветы, а перед крылечком домика цветами был усажен круглый холмик с диковинной, из одних длинных листьев, зеленью. Из окон лились дивные звуки. Это совсем не то, что в казарме надрывалась трехрядка — «тры-ры-на на-ты-рына!», - под которую подвыпившие дневальные плясали «Барыню».

Яков стоял, раскрыв рот, и не заметил, как сбоку из-за куста вышел мальчик постарше Якова, но моложе Мити. Он остановился и с любопытством рассматривал оторопевшего Якова.

- Эй, ты! Как тебя? А ну, сюда! - и открыл калитку.

Яков несмело вошел, не зная, идти ли дальше. Мальчик опять неучтиво пригласил Якова войти в открытую дверь и в комнату, где он уже совсем растерялся: до самого потолка в комнате росла живая пальма. Что было в комнате! Как мукосеи говорили в сказках: ни словом сказать, ни пером описать. И сам мальчик, как в сказке - не то царевич, не то солдат. Ножки обуты в начищенные до блеска сапожки, когда можно ходить и босиком, на штанах черного сукна красные полосы сверху донизу, а белая-белая рубашка с ярко-красными крылышками на плечах опоясана черным ремнем с медной пряжкой.

Митя рассказывал, что мальчик в городе, так просто звался Нижний Новгород, учится на офицера.

Попали на кухню. И тут удивительно: кухарка ела кашу и сметаны клала столько, что ела она не кашу, а сметану с кашей. Яков никогда не видел такого. Мамаша всегда оговаривала, когда Яков маслил кашу или картошку, чтобы не переложил: «Смотри! Ослепнешь!»

А кухарка не слепла. И ему дала, съел полгоршка. И ничего!

Тогда повел солдатик Якова в горницу, откуда лились чарующие звуки. Большой уже, как Митя, парень, в таких же, как на младшем, штанах, но в домашней синей рубахе что-то прижимал подбородком к плечу и по этому водил палочкой с белыми волосами - правой рукой, а левой перебирал пальцами.

Заиграл «Барыню», да как! Как будто тонким-тонким голосом запело, заиграло внутри!

«Ай, барыня, не могу,
Вступил комар на ногу...
А мне дайте топора,
Буду казнить комара!»

До этого он играл что-то сладко щемящее душу, непонятное.

Яша так и стоял с раскрытым ртом.

Солдат-царевич подошел к маленькому до блеска отполированному столику, выдвинул ящичек, подозвал Якова.

- Иди! Здесь такие чудеса!

Коробочка из белой жести и конфеточки всех цветов, кисточка.

- Иди сюда! - отозвал в сторону. Поколдовал у коробочки. - Теперь стой. Закрой глаза.

И начал мокрой кисточкой приятно щекотать лоб, щеки Якова.

- Теперь ступай вон! - указал на дверь и на пороге легонько поддал коленкой под зад.

Яков всё удивлялся, почему встречные его замечают? Раньше такого не было. И все прыскают от смеха.

Пришел домой, а от двери прямо кухня. Мамаша как взглянула, да так всплеснула руками, что чашка выскользнула из рук и разбилась об пол. Глаза Мамаши стали круглыми от страха:

- Свят, Свят, Свят! Да воскреснет Бог и расточатся врази его! Янька, где это тебя так разделали?

Раздела Якова донага, налила тёплой воды и всего мылом да мочалкой терла-терла.

- Ну, ступай, - и больше ничего Якову не говорила.

Но, Яков слышал, как она Папаше всё рассказала:

- Яньку-то! Черным разрисовали, и рожки на лбу!

7

Мамаша считала за искушение называть Дьявола Дьяволом, чёрта чёртом. Первый был у нее лукавый, второй - чёрным. Так не осквернишь язык свой хулой. И что это такое: против хорошего всегда плохое? Свят - это светлый, ему перечит чёрный. Но так, видно, Богу угодно.

Яков подслушал разговор родителей: опять этот Лёвка. Он приезжал летом и зимой на каникулы. Француз. Де Планьи. Его дед остался в России после нашествия двунадесяти языков в 1812 году, как пленный. Папаша - он слесарь и чертежник - расспрашивал Якова так:

- А ну скажи, где чертей чертят?- чуть заметно улыбнулся в усы. Выслушал, сказал строго: - На ту сторону - ни ногой! Сам виноват. Если что ещё случится - жаловаться не сметь! - доносчику первый кнут.

Митя сказал: сволочи они все. Левка де-Планьи кадет, учится в кадетском корпусе на офицера. Это настоящие живодёры. А мать Лёвки - седьмая, а может быть, десятая жена Башкирова Николая. Их три брата. Лёвка живет у доверенного, как на даче, с бабушкой.

Митя сидел с удочкой. По Линде - она широкая перед плотиной - катался на лодке с барыней барин, тоже одетый как-то чудно: белое на нем, не рубашка, а что-то другое с золотыми пуговицами и крылышки золотые. На голове фуражка с белым верхом, а на фуражке, надо лбом, опять золото.

Яков видел его на мосту: с левого бока висела кожаная палка с ручкой, тоже в золоте, а с правой - кожаный мешочек.

Митя сказал:

- Слева сабля в ножнах - нож длинный людей резать, справа - револьвер.

О саблях и «леворвертах» Яков и в казарме слышал. Но то, что добавил Митя, он не понял:

- Лев Толстой сам дворянин — граф, но против этого всего.

Вот что Якова удивило: «дворянином» его любимицу свинью мукосеи называли, а дворяне - приближенные двора для Его Императорского Величества царя.

- Этот полковник полком командует, - добавил Митя после некоторого раздумья, - а в прошлом году у доверенного гостил редактор газеты из Нижнего.

У него тоже револьвер был. Вот видишь это место в кустах? Тут он мальчонку из Мысовки подстрелил! Клеву у него не было, а тот в траве с корзинкой мальков гонял.

- Не слышал что-то, - отозвался Яков.

- Никто не слышал, всё шито-крыто. Матери дал золотую пятёрку. Та даже в ножки поклонилась за такую щедрость, а ртов у ней и так лишнего. Уряднику - две. Мертвого в воду столкнули и всем говорили: сам утонул. Концы в воду, как говорят в судах в таких случаях.

Взял Папаша на работу слесаря - нужен был. Он был какой -то особый: волосы длинные, не под кружок, ни бороды, ни усов, Рубаха не кумачовая, а чёрная, подпоясанная широким чёрным ремнем без пряжки. В казарме не пил, не курил, не ругался, не резался в карты.

А Мамаша говорит Папаше:

- Слышь, отец, билет-то у него, говорят, волчий. На Сормовском заводе в «черную книгу» занесн.

У дома со стороны Линды внизу крыльцо и вход в коридор, тут же лестница наверх и площадка. Слесарю дано было место в казарме на нарах, но он любил до сна в хорошую погоду посидеть на площадке. Сидел спиной к Линде и всё думал, думал, глядя в пол.

Заметил он, что Яков наблюдает за ним. Усмехнулся. Подозвал. Посадил на колени.

- А ну-ка, Приятель, расскажи как ты хозяину на котелок насикал?

- Сволочи они! - отрезал Яков словами Мити, но спохватился. Папаша строго-настрого наказал ему никому не говорить об этом, и, Боже упаси, хвалиться. Один мукосей видел, другому рассказал. Все смеялись и говорили:

- Ну, Приятель! Герой! - Папаша всё боялся, что уволит хозяин.

- Да я не видел, что он идет, - залепетал Янька. - Я просто в нужник не захотел спускаться. Далеко. Да и не попал я.

- Да... А получилось бы здорово! Далеко пойдешь!

Но, тоже спохватился и замолчал. Разве можно о таких делах с малолеткой? Вскоре он куда-то пропал.

Одна Мамаша была за хозяина. У неё самой муж родной сестры в городе, дядя Шавин - такой же барин, а отец на баржи деревянные строить подряды брал на Бору, на него плотники работали.

Да и у свекра дела торговые водились, и когда Папаша имел в Сормове «зазнобушку», жениться «на простой» не позволили - «не пара». И нашли из Золотова, что под Бором.

8

Мамаша семечками, ландрином, ещё кумачом приторговывала в казарме (водкой и доходней бы, но она её не любила, а главное - ГРЕХ). Копила капитал. Клавдя и Саша уже невесты, приданое им нужно для хорошего жениха. А ведь все ей было, слава Богу, хорошо. Хозяин давал работу - стряпка, угол, кормил. На мельнице всего было много и людям, и скотине. Отрубями, мучной пылью откармливали свиней, гусей, уток, а с осени скупали задёшево деревенский скот, когда приходило время крестьянину платить подати. Забитую скотину солили в больших бочках, на весь год.

Хозяин даже в пост разрешал варить скоромное - дешевле.

Яшка часто обедал, ужинал из больших деревянных блюд на длинном столе между нарами в казарме. Говорил Мамаше:

- Кашу ел, горошню.

Мамаша была против, чтобы Янька ходил в казарму. То вот клопа принесет, а то и матерное слово.

Папаша ей: «А куда же ему, раз он такой: ему всё надо...»

Раз за обедом Яков произнёс такую фразу, что Мамаша в страхе закатила глаза, а Папаша быстро намочил и отжал полотенце, но сдержался и не отхлестал на сей раз, видя, что Яша смотрит на приготовления с недоумением: за что? Он ничего не разбил, ничего не просил, на рубашку не накапал, не чавкает, как поросенок.

- Принеси он ещё раз такое - не буду пускать в казарму!

Но Карп Иванович, как и к машине, присматривался к сыну без суеты, без шума. Кочегару Василию Ивановичу наказывал, чтобы поглядывл в казарме за Приятелем, привечал его в кочегарке. Куда же ему деваться в зимние холода?

И Яков повадился ходить в качегарку. Так вот он какой, котёл! Не то что для щей или каши! Однажды он сказал Мамаше:

- Я завтра пойду с Фасилием Ивановичем на работу.

Мамаша ему, смеясь:

- Куда тебе, в пять часов вставать надо, проспишь.

- А я и спать буду с Фасилием Ивановичем.

Поговорила с Папашей.

- Ну, иди.

Оказалось, Фасилий Иванович чувашин. Не русский. Говорит по-русски, а сказок не знает. И свои по-русски пересказывать не умеет.

Лежал Яков и думал: как же на других землях? Говорили в казарме: кто не умеет по-нашему, те немцы, немые. Кто не хрестьяне, те бусурманы. Тех надо бить. На то солдаты.

В казарме были, которые служили в солдатах, а двое были и на войне. Пели песни:

«Гремит слава трубой,
Мы дрались за Лабой!»

И другие песни солдатские. Яков откинул сомнения: Фасилий Иванович хороший. Он уже мирно похрапывал, а Приятель никак не мог уснуть. На него напали клопы и так кусали, так кусали! И живот и спину, и ноги, и руки - невтерпеж! Яков уже хотел соскочить с нар и бежать. Но что скажет Мамаша? Скажет: «Аника-воин!» В казарме так зовут отчаянных трусов. Нет. Лучше потерпим. Еле-еле дождался, как прогудел гудок.

Попили вместе кирпичного чая с ржаным хлебом и отправились в котельную.

Мазутом легко шуровать котёл, не то что дровами: поворачивай колёсики на трубках. Одна мазут подаёт в форсунку, другая - пар, чтобы мазут брызгами летел в топку. И посматривай в глазок. Если пламя на выходе светлое - добавь мазута. Если темное - добавь пара или убавь мазута.

У Приятеля быстро дело пошло. Фасилий Иванович не уставал хвалить: помощь неожиданная ему. Сам посматривай на манометр, чтобы стрелка не заходила за цифру «8», и вода в стеклянной трубке не опускалась ниже красной черты, да шуруй второй котел. Всё так хорошо наладилось, что и отойти от котлов обоим стало можно: не на пароходе, где нагрузка на машину меняется. То «тихий ход», то «полный вперед», а то и «стоп машина». На мельнице машина работает ровно.

- Дядя Фасилий Иванович! А как это гудок у тебя гудит? - заинтересовался Яков.

Магическая сила гудка, всех поднимающая с постелей одним разом, его давно интересовала.

- А вот так. Видишь проволоку, на ней кольцо. Потяни - и пустишь пар в трубку, поверх крыши которая выходит. Она и загудит.

- Дай я...

- Не достанешь. Ну, я подниму.

В шуме котлов почти ничего не услышал Яков и удивился, как Папаша, взъерошенный, с дикими глазами выскочил из двери.

- Василий Иванович! Ты это что? До двенадцати ещё далеко. Ты что народ булгачишь?

- Я... я... вот... парню твому, Карп Иваныч, захотелось.

- Так ты кому служишь? Машинисту или сыну машинистову? - в голосе Папаши что-то смягчилось, но он добавил «для крепости» - «лети мать»!

Янька первый раз слышал, что Папаша ругается, да еще по-матерному, но по своему. А мукосеи, да и кочегары между собой как ругаются! Особенно смешно, как у возщиков получается, когда они матерят лошадей! Похоже, лошади он приходится отцом?

- Идем! - сердито сказал Папаша Якову, взяв за руку. Вошли в машинный зал. - Смотри!

Яков ахнул. Высоко, светло, пол выстлан красными и белыми скользкими шашечками. Паровые цилиндры, один малый, высокого давления, другой большой, низкого давления пара, пышут жаром. Папаша объясняет:

- В коробке сбоку - золотники, к ним стержень от эксцентрика главного вала. Стержень то вдвигается в коробку, то выдвигается, передвигая в коробке золотник. Получается: пар впускается то в одну сторону цилиндра, то в другую, попеременно, и выпускается в трубу. В цилиндре стенка поперечная, подвижная, называется поршень. Пар давит на поршень с одной стороны - поршень сдвигается в другую, потом наоборот. Так и ходит поршень взад-вперед, пока не закрутят трубу из котлов вентилем. К поршню прикреплен шток, палка длинная, стальная. Она тоже движется вперед-назад и передает движение через шатун на кривошип, вроде петли на валу.

Папаша всё указывал:

- Шатун продвинет кривошип вниз вперед, а потом на себя тянет уже вверх и назад, и опять, и опять - без конца крутит вал. На этой машине всегда в одну сторону. Здесь не как на пароходе - машина заднего хода не делает.

На валу пароходной машины насажены гребные колеса, а здесь, у самой стены, огромный маховик с желобами на ободе для канатов. Канаты - много рядов, сверху обода маховика, как быстрые ручьи воды исчезали во тьме проёма стены и возвращались к нему снизу.

Яков впервые видел всю мельницу, все вальцы, которые мелят зерно, все сита, которые просеивают муку и заставляют работать эти канаты! Он смотрел новыми глазами на отца. Тот подозвал маслёнщика:

- Этот пащенок будет приходить сюда, не гоняйте. Но гляди за ним в оба...

9

Его стали пускать и к машине, он наблюдал с интересом, как шток то выходит из первого цилиндра, то входит в него. Как шатун дальним концом то опускается, то поднимается и крутит кривошип коленчатого вала и маховик. Более всего интересно: регулятор поступления пара на золотник. Два блестящих стальных шарика крутятся на палочках вокруг средней. Когда оборотов маховика становится много, шарики крутятся быстрее - поднимаются, а средняя палочка опускается. Она опускает и задвижку - клапан в трубе, по которой из котельной поступает пар. А если слишком закроет приток пару, машина работает медленнее, яички спускаются, палочка поднимается. И так сама машина управляется с собой: работает не слишком быстро и не слишком медленно, а как надо.

Якову маслёнщики доверили самому пускать к вечеру паровую машину с динамо, вырабатывающую электричество. Следовало только отвинтить вентиль и толкнуть маховик, как закрутились шарики регулятора, загорелась вначале совсем тускло лампочка с угольной нитью, а потом регулятор укажет, как надо. Якову позволяли намагничивать стальной ножичек, и он притягивал к себе гвоздики и другие железки. Чудеса!

Яков и в мельницу сам пробрался раз. А что там! Всё трясется, всё стучит, приводные ремни от шкивов трансмиссий хлопают, зубья шестерен скрежещут. Пыль мучная, как туман осенний над Линдой. Подметалы заметили, дали щетку, указали на самые тесные места.

Крупчатник улыбнулся, дал Якову записку: иди в контору. Конторщики всегда скрюченные над конторками, скучные, развеселились. Нарезали цветные полосы от больших красивых бумаг, дали Якову и сказали:

- Заработал.

Мамаша разволновалась. Новая синяя в горошек сатиновая рубашка была измазана не только в муке, но и в машинной смазке.

Папаша, придя с работы, тут же пошел к крупчатнику, а он к нему редко и то лишь по праздникам, ходил. Что было - и Мамаша не знает. Но от крупчатника всем был на мельнице нагоняй: разве долго баловнику попасть под приводной ремень?

О «заработке» Папаша сказал непонятное:

- Купоны с облигаций. Грош им в базарный день цена.

Оказывается, конторщик копит капитал и покупает разноцветные ценные бумаги, чтобы не работая разбогатеть, срезая каждые полгода купоны с про-

центами. Конторщик - первое лицо у доверенного, и не считается с папашей, потому осмелился заплатить не деньгами, а невыгодными акциями.

- Вот, бестия - сказал Папаша, - по книгам провел деньгами себе, сейчас. А нам через пять лет. Ну, мы умирать не думаем. Папаша не жадный.

Весной мельница останавливалась. Разлив Волги поднимал воду в Линде, так что всё вокруг заливало. Папаша ремонтировал свою машину, крупчатник и просянщик - свои жернова и сита. В паровых котлах отбивали накипь. Яков напросился помогать. Ему, маленькому, кстати, и легче было пролезть в лючок. Но всё равно тесно, хотя большинство дымогарных труб и было вынуто. Задохнулся от жары и пыли, да и сноровка нужна.

Кочегары вынесли дымогарные трубы на сухую площадку перед котельной, на солнышко. Клали по одной на «козла», молотками-ручниками легко постукивали - накипь отлетала скорлупой. А где слой её тонок, и она не отлетала, отскабливали рашпилем - грубым напильником. Яков попросил дать и ему постукать. Гордость в нем говорила: и я работаю. Отстукал одиннадцать труб, но не всё ладно: одну испортил. Папаша нашел, что она прогорелая. Написал Якову бумажку, Яков пошел в контору, получил 55 копеек серебром. С какой гордостью отдал Мамаше!

Мамаша ругалась - лишняя стирка.

Этой веной вода из Волги пришла шибко высокая, да и Линда бурлила здорово: ледоходом сваи у моста срезало. Яков увидел настоящий пароход. Он привел баржу, лодку куда больше дома: сорок сажен длины, три вышины, пустую. Она старая - на слом.

Папаша задумал тёсаными бревнами, из которых баржа сделана, обшить водослив плотины у просорушки, где вода с высоты наполняет ковши водяного колеса.

С водяной мельницы хозяин начал дело. Старые бревна подгнили. Папаша положит тоже не новые. Но баржа-то нефтеналивная. Мазутом загружалась в Астрахани с морских шхун из Баку. Дерево пропитанное, простоит сто лет. Про Папашу сам хозяин говорил: «Умен, ничего, не скажешь».

Когда у водослива срезало мост, Папаша новое письмо написал хозяину: «Хрошо бы кирпичные, на цементе устои сложить, а мост - из железных балок». Хозяин согласился. В Москве ему предложили ненужные стальные фермы. Он их по железной дороге до Нижнего, а дальше - по воде до спада доставит. Вот радовался Папаша! Теперь и мост будет навечно. А то с ремонтом сколько было хлопот! Папаша любил, чтобы все было прочно, надёжно.

10

Яков уже не был таким, чтобы при нем без опаски можно было говорить в расчете: глуп еще, не поймет. Папаша и Мамаша вели разговор в дальнем углу общей комнаты, называвшейся залом.

Вся квартира состояла из одной большой комнаты, разделённой пополам вдоль перегородкой не до потолка. Парадная половина - с фикусами, филодендронами, розанами вдоль длинной стены с окнами, а служебная половина, начиная от кухни, переходила в спальню с завешенной пологом постелью родителей в дальнем углу. А ближе - общая кровать, как нары, девчонок, отдельно Якова, пока был он маленький. Митя в летние каникулы брал постельку в «залу» с тем, чтобы отнести её обратно в спальню утром.

Так же стал поступать и Яков, как стал взрослеть, тем более что подросли Клавдя, Саша и Тоня. Но в самом дальнем углу, за счёт спальни, была выгорожена малюсенькая комнатка со входом из залы. На неё приходилось и одно из двух окон по короткой стене квартиры. Папаша называл её «кабинет» и всегда запирал на ключ. Там он чертил, в особом ящике держал деньги на «чёрный день», и, Яков раз увидел, когда Папаша приоткрыл его, - «револьверт».

Яков сперва испугался, но ствол его и барабан, блестящие от никелеровки, рукоятка из кости, выглядели безопасно, как дорогая игрушка. Папаша и сам боялся брать его в руки. Но, давая ему револьвер, сам Башкиров, сказал:

- На всякий случай.... Если кто из рабочих... Ведь ты хозяину служишь.

Никого не пускал Папаша в кабинет, разве пол подметать, пыль со стола стереть, и то при нём. А что до Якова....

Вот и негде было им переговорить по секрету, иначе как в спальне. В спальне, да и в кабинете перегородка тонкая, всё равно в зале слышно, но зато видно - подслушивает кто или нет. И делали вид, что у них нет секретов, говорят об обыденным, о пустяках.

Яков сидел дома, найдя себе дело: из лучинки тесал стрелу для сделанного им же самострела. Это можно делать бы и на кухне, на воле совсем нельзя: разнепогодилось.

- С Янькой надо что-то делать, - чуть шевеля губами, говорила Мамаша, но Яков успел уже навострить уши и ещё старательнее стал работать тупым кухонным ножом.

- И я... - но тут Папаша замолчал, покосившись на Якова.

Тот, услышав свое имя, окаменел.

- Вот что, Приятель, - по-дружески сказал Папаша, да так, как с ним никогда не бывало. - Я забыл сказать помощнику, беги на машину, передай записку.

Папаша зашел в кабинет, дал Якову написанное не заклеенным, всё равно не прочтёт, не сможет, а Мамаше сказал: «Чтобы помощник или маслёнщики задержали парня на часок, чего-нибудь ему показали».

- И я над этим думаю, - сказал Папаша, когда Яков ушёл. - Баловство за ним замечаю. Вот, самострел завёл. Поначалу в забор стрелял, потом в свиней, потом в голубей. Один раз в стекло попал, да где - в окне мельницы. Ну, это еще ничего. Но в глаз, было, мукосею чуть не закатил, мимо уха посвистело. Мукосей ему... А он так нахально: «А што? Я в глаз не метился...»

- Отлупить бы его хорошенько разок, как дедушка, треххвосткой ременной! - сказала Мамаша. - Эх, плохой ты отец. Ранее папаша поступал безжалостно.

И верно, когда Яков раскапризничается, если ему что-нибудь не дают, или не выполняют его желание, он выл волком, по выражению Мамаши, в надежде, что если не Папаша, то Мамаша пожалеет. А один раз под кровать залез, всё выл и об пол нос расшиб, чтобы кровью собственной пол измазать.

Папаша взял полотенце, намочил его, отжал, скрутил, выволок Якова из-под кровати и начал его хлестать по голой заднице, да приговаривать:

- Еще? Еще? Еще?

Пока Яков не взмолился:

- Не буду!

- Говори: прости, папаша, Христа ради!

- Прости, папаша Христа ради.

Яков знал: Папаша много терпит. Но когда разойдётся - нет тогда пощады. Но бьет не до костей, как дедушка трёххвосткой. Кожу даже не поцарапает полотенцем.

- Нет, нельзя,- сказал Папаша, - теперь он для этого слишком взрослый, теперь этим можно озлобить.

11

Раз Янька прибежал из казармы с глазами, совершенно заплывшими опухолью, на переносице выступили капельки крови. Мамаша заголосила:

- Ах! Ах! Убили!

Янька, до того молчавший, тоже заголосил.

Папаша как скажет строго: «Молчи, пащенок, сам виноват». У Папаши было такое правило: если с Яковом что-либо случалось плохое, он в первую очередь ищет: а не виноват ли он сам?

Мамаша и накинулась на Папашу:

- Дитё умирает, а ты что говоришь? Ты любому разбойнику, зверю лютому, готов отдать его на растерзание.

Но Яков замолчал, вместо того, чтобы заголосить ещё сильнее.

Вот как дело было, о чем папаша, конечно, не знал, и не мог знать. Яков лежал рядом с мукосеем, надоедал ему расспросами: как это машиной поднимают пшеницу на самый верхний этаж мельницы, если мешками её никто по мельнице не носит.

Мукосей ответил: на то элеватор есть. Из брезента лента, на ней ковши жестяные, лента внизу на колесе, вверху на колесе. Колёса вертятся, лента поднимается на самый верх, перевалив через колесо, пшеницу из ковша высыпает, та по желобу сыплется в разные ящики - ларями называются. Оттуда - просыпается в вальцы.

- А как колесики вертятся, почему?

- Это уже трансмиссия, от колеса с канатами. Ну, мне спать надо. На работу завтра рано. Тебе нечего делать, отца спроси, он лучше меня знает.

Якову это «нечего делать» не понравилось. Он сделал невежливое движение, толкнул мукосея. Мукосей рассердился:

- А ну тебя к черту. Я тебя так толкну, не посмотрю - что ты машинистов сын!

Яков принял это за оскорбление. Ведь он доселе Приятель, и к черту его никто не посылал. Встал на четвереньки поперек досок нар, чтобы уходить, и легонько, нечаянно, от натуги выпустил «нежданчика» с неприятным запахом, почти в нос мукосею. Он как толкнет ладонью под зад, а в нарах доски не оказалось. Яков и полетел, да переносицей в ребро доски.

Яков сам об этом рассказал, и никому не было наказания, ни мукосею, хотя Мамаша всё-таки крупчатнику пожаловалась.

Лишь бы переносица была цела. А то нос курносый, в мать, стал бы совсем пуговкой с двумя дырками.

12

Какие разные Митя и Яков. В кого? Митя лицом и цветом волос в отца, а характером - в мать, усидчив, молчалив. Янька лицом и цветом волос в мать, характером - в отца.

- Почему? - спрашивает Мамаша.

Папаша говорит: «Когда я был на пароходе, где держали Митрия до восьми лет? У дедушки с бабушкой, в Сормове. Как они его держали? Туда не ходи, сюда не ходи, как чуть-что - треххвостка. Где Яков до восьми лет? Здесь, на мельнице. Ты посмотри, мать, здесь он рос на воле и всегда находил себе дело. Нож, молоток, чего-нибудь пилит, строгает. Сейчас повадился в Мысовку - у Емельяна Коломенского в мастерской.

- Ой, отец, Егорка у Емельяна непутёвый, да и сам Емеля охальничает. Намедни, в бане, гляжу - суриком Яшке задницу вымазали.

- Знаю. Баловал Яшка. Егорку, да и Емельяна красноносыми дразнил. Емельян пригрозил, а Яшка не испугался. Так Емельян рассердился, что вынужден расстегнуть ему штанишки, а Егорка кистью и мазнул. Емельян передо мной повинился. А он Яшку строгать рубанком учит, тот и вправлять железку уже умеет...

- Всё это так...

- Дело Яшке нужно давать, чтобы в дело вникал, чтобы делом мог похваляться, а не озорством.

- Как бы в дядю, в Осипа не пошёл. Емельян-то выпивает, да и Егорке подносит. Не надо пущать.

- Знаю. Предупредил Емельяна: будет хорошо - буду работу давать. Не будет хорошо - не буду. Но Яшку не удержишь. Вот ты наказывала Клавде, чтобы она с ним была, а что вышло? Клавдя ему и рубашку чистенькую, и штанишки, и ботиночки. А он разулся - ботинки ему по заборам лазить мешают, рубашку и штанишки в один день измажет. Ему надо копать, ручейки попускать. Что он недавно сделал? Вальцы новой конструкции крупчатнику прислали. Говорят, заграничные. Сложили у мельницы. Нет половины крылаток. Куда делись? А наш плотину с водосливом из них сделал на Линде, канаву сам прокопал. Вот теперь картинки от конфет собирает. Царь-Пушка, Царь-Колокол. Уж очень любознательный он. Грамоте надо учить.

- Как же?- заволновалась Мамаша. - Митя на отшибе, не знаем, как он там. Ну, Митя другое дело. Но Яньку пустить? Нет, уж лучше здесь я буду учить. Учился же ты, отец, у начётчика? Клавдю, Сашу я сама выучила, больше им не надо. Зачем бабе грамота? Соблазн только...

Но школа далеко. Школы не то что на мельнице, но и в Мысовке нет. В Толоконцево отдавать - нужно с жильем, или в Город. Главное, без прививки от оспы не примут. А прививки - грех.

Клавдя, Саша и Митя переболели оспой, у Мити остались рябинки небольшие на носу. Тоня помучилась, всё лицо изрыло, глаз закрылся. И хорошо, что умерла. А у Яши не было еще оспы, на несчастье.

Мамаша сама стала учить Яшу буквам: а - это «аз», б - это «буки», в - это «веди», г — «глагол», д — «добро». И дальше, и по слогам: «буки» + «аз» = **ба**, «веди» + «аз» = **ва**.

«Буки» + «он» = **бо**, «глагол» + «он» = **го**, «рцы» + «он» = **ро**, «добро» + «иж» = **ди**, «цы» + «аз» = **ца**: **Богородица.**

«Буки» + «люди» + «аз» = **бла**, «живети» + «есть» + «наш» = **жен**. Вместе - **блажен**! «Блажен муж иже не иде на совет нечестивых и на седалище грешников не седе....»

Никак Яков не поймет такую премудрость, а день осенний сухой, теплый. «Векую шаташася языцы...» Яков попросился в нужник, а сам - к просянщику. Колька у него в Нижнем учится. Тот тоже не хочет ехать. Договорились - утром в лес.

В тальнике уже ждут. Егорка из Мысовки и еще троих притащил. Но командует Колька. Живо натаскали хвороста на костёр. У Кольки спички, соль, чуток хлеба. Расселись вокруг углей, ждут команды таскать картошку.

13

Всё же нужно отдавать в школу.

Было жутко, как повели Яньку к фельдшеру прививать оспу. Руку будут резать до кости!

Царапнул Фельдшер ножичком, а резать забыл.

Якова повезли к бабушке в Нижний. Мать Мамаши дом там имела на краю города, за Сенной против Печорских казарм, на горе.

В школу отдали на Ковалиху. Школа на бугре высокая, светлая, в два этажа, имени Пушкина, но все в ней было непонятно.

Учительницу звать Ольга Дмитриевна, барыня, но хорошая.

В классе над черной доской картина: седой старик в длинной рубахе идет за сохой. Учительница сказала: граф Лев Николаевич Толстой.

Как-то раз учительница произнесла:

- Кукушкин, какая это буква?

Все молчали, оглядывались, и Яков тоже.

- Ну, ну, вы, вы, - указывая на Якова, продолжала учительница. И все засмеялись. Яков смутился необыкновенно: он - Кукушкин, оказывается! Первый раз услышал.

Он знал, что бабушку в улице зовут Красильникова, и его окликали Красильниковым. Оказалось, есть своя фамилия.

А мальчишки так и стали его звать — «Ку-ку». И еще больше смеялись, когда он Ольге Дмитриевне сказал «ты». Вот деревня!

Никак не запоминались буквы. Ещё хуже с цифрами - задачи дома не мог решить, а бабушка больная, совсем ничего не знала, а только советовала: «Молись Миколе Чудотворцу».

Вот тут-то Яков и стал впервые с жаром бить земные поклоны перед Миколой, а он самый близкий к Богу святой, угодник.

А задача никак не решалась. И взяла Якова такая тоска, хуже смерти. Захотелось ему опять в казарму.

В ветер, в снег, но ещё засветло, он спустился с горы на Волгу, где санный путь на Бор, и более того уже ничего не запомнил.

Пришёл в себя дома, в тепле, в постели с примочками на голове. Мамаша шептала: жив. Подобрали его ехавшие на мельницу возчики, опознавшие его. Он был в горячке.

Яшу не ругали, не били мокрым полотенцем, а только охали да ахали кругом. Еще немного, и он замерз бы незамеченный. Слава Богу, вовремя заметили.

На третий день он бродил, держась за стену.

Дома вспомнилось ему, чему учили в школе, и он карандашом исписал все стены и столы словами «мышь» и «тишина». Хорошо, по масляной краске - отмылось. В казарме тоже - по побелке, но тут тотчас отругали. Дали грифель и аспидную (чёрную) доску.

Показали, и он быстро научился писать: «мама», «папа», «Яков», и, даже свою фамилию «Кокушкин».

Нашлась замечательная буква «ять», и Яша стал везде её ставить в конце слов: «Яшаъ», «Мишаъ», «Клавдяъ», «Сашаъ». Оказалось, не везде это нужно. В неделю он начал, сначала по слогам, читать.

В казарме стал даже читать книжку про Бову-королевича мукосеям.

14

По двору, у казарм ходили ряженые в медведей, волков в вывороченных шубах. В казарме плясали под гармошку в лаптях. Их умел плести каж-

дый - это был и дополнительный заработок. Хоть видел это Яков не первый раз под Новый год, было то необычайно весело.

Бывалые люди пели гордые песни:

«Взвейтесь, соколы, орлами,
Полно горе горевать,
То ли дело под шатрами,
В поле лагерем стоять».

А то и игривую:

«Во субботу день ненастный,
Нельзя в поле,
Нельзя в поле работать...»

Сказали, что он поправился, и нужно возвращаться в школу. Он в слёзы: ни за что! Ночью завернули в одеяло, замотали в тулуп и увезли сонного обратно к бабушке, в город.

Папаша написал записку в школу - болел. И всё было уже хорошо - Смирнов уж очень ему обрадовался.

Ожил Яков, когда узнал, что Смирнов живет совсем рядом.

Смирнов был под стать фамилии, самый смирный, самый лучший ученик. Но от него всегда пахло керосином. Говорили ему, смеялись, но ничего толку не было. Вся одежда, и то в заплатах, и только то, что на нем. И лицо всё в веснушках тоже воняло керосином. Он раньше всех приходил в школу и позднее всех уходил — боялся, видно, чего-то в своём доме, и вечером как-то случайно Яков заметил, что Смирнов вошел в калитку дворика дома через дом от бабушки. И подружился с ним.

Объяснилось, отец Смирнова - фонарщик. Дома он заправлял фонари керосином. Вся квартирка их - мезонинчик под самой крышей в одно окно, была шагов пять в длину да три в ширину. Вот почему Смирнов учил уроки в школе, в коридоре, а то и у сторожихи.

Его родители оказались оба очень бедные, но добрые чуваши. Были ласковы и с сыном, и с Яковом. Яков несказанно был рад такому соседству.

На Рождество Якову в школе учительница дала пригласительный билет на ёлку в драматическом театре, которую устраивали на средства А.М. Горького для детей без родных.

Горький, а какой хороший!

Но Яков передал свой билет другу, с которым сошёлся, и с кем делился всеми тайнами души.

Потом Смирнов рассказывал: поместили их на самый верх, под самое небо. Как грянули в темноте трубы, испугался, думал, светопреставление начинается. А потом стена впереди поехала и раздвинулась. Открылся настоящий рай!

Перед Рождеством были Святки, учеников распустили на какие-то каникулы. Раз прорвался Яков на Большую Покровку. По Покровке гуляли важные хозяева. Там в санках «ландо» с кучерами ездили те, что с золотом на плечах.

И в школе Яков стал узнавать много интересного, и чудесное становилось понятным. Земля-то, оказалась, шар, а солнце - ещё куда больше Земли.

Оказалось, что солнце никто не зажигает и не тушит. Оно, как пузырь надутый, за край земли опускается, ночью под землей проплывает, а утром из-за другого края выплывает. Так же, как папаша на работу ходит. Только у солнышка воскресенья нет.

Солнце, как магнит, притягивает к себе Землю, и Земля, как шарик регулятора, крутится вокруг Солнца, не падает. Яков привязывал на ниточку гайку, делал размах, и гайка крутилась вокруг пальца, как Земля вокруг Солнца. Её стремление оторваться в сторону сдерживала ниточка - притяжение.

Вывески на Большой Покровской были слепыми, а тут стали говорить: «Хлебъ. Матвея Башкирова».

Оказалось, фамилия хозяина мельниц Башкиров, но Николай, брат Матвея.

15

Папаша выписывал «Ниву». Кончался 19-й век. Яков уже немного читал и видел чудо техники на рисунке - Эйфелеву башню, трупы филиппинцев вдоль линии железной дороги и русских матросов в бескозырках с винтовками и примкнутыми штыками, стреляющих из-за укрытий. «Атака форта Таку». «Поднялся «Большой кулак». Мамаша говорила:

- Китай поднимется - свету конец.

Яков мир открывал по-новому: мир - не только то, что перед глазами. Волга, море Каспийское - то тоже на нашей земле. Яков сомневался и рань-

ше: какими же огромными должны быть киты, чтобы только втроем держать на себе то, что Яков, да и все видят!? А до Астрахани, до Баку надо ехать и ехать. Невиданные Баку, Москва поражали воображение. Такое в сказках не сказывалось, а тут - сущая правда.

Оказалось, что и народы разные, языки разные живут под нашим царем. Когда наш царь всех царей покорит, он будет Белым Царем, и войн на свете больше не будет. Во веки веков! А пока пели в песнях:

«Прощай девки!
Прощай бабы! Эх!
У-у-угоняют,
Угоняют нас от вас
На ту гору, на большую -
На проклятый, на погибельный Капказ!»

Вот туда, где нефть-то раскопали в земле.

Деревня Мысовка так называется потому, что стоит на мысу - возвышенности между поймами Волги и Линды. Отсюда Яков видел прямо облака чёрного дыма из труб Сормовского завода. И слева тоже мыс возвышенности, уже как горы и ряды белых домов по верхней набережной Нижнего - по Волге и Оке. Вот какой он - Город!

Волга, говорили, течет дальше вниз, у Казани в неё впадает река Кама, течет она с Уральских гор. Оттуда пароходы тянут баржи с чугуном, железом, а из Соликамска - самую лучшую столовую соль. И её возил на «Норде» Папаша.

Старшая сестра Клава рассказала Якову, что он родился зимой, когда «Норд» стоял на зимовке в затоне реки Белой, при впадении её в Каму у города Уфы.

«Так вот откуда я!» - смотрел Яков в туманную даль бескрайней земли.

Яков уже знал, что его вынули из брюха Мамаши, как Нюрку. Когда это было, то в доме была такая суматоха! Видел Яков, как рабочие с кухни резали заболевшую корову, во дворе, на мясо. Они вынули из брюха коровы теленка. И свинью, видел, резали. Смотрел, как разделывали мясную тушу. Да ведь корова - как и человек! Не только снаружи: глаза, уши, язык, как у человека, но и внутри - так мясники говорили - сердце, легкие, печенка, да и кишки точь-в-точь, как у человека. Что кровь одинаковая, Яков знал и ранее. Но вот что Яков не знал, и это глубоко волновало его: что мамаша съела, чтобы в брюхе начал расти он? Да и от еды ли это? Яков давно знает, что получается в брюхе от еды.

Мамаша смеялась, когда он спрашивал: «Дурачок!». Папаша говорил строго: «Рано будешь знать - скоро состаришься». Клава и Митя на этот вопрос только краснели. Тогда Яков решил пойти в казарму.

Вторая смена ушла, (рабочий день двенадцать часов), первая с работы не вернулась. На нарах лежал лишь один мукосей, хотя было рано спать. Яков прилег рядом и уловил запах знакомого водочного перегара. Горела одна угольная лампочка. Нить в ней светила тусклым красным светом. Это Папаша перевел освещение с керосинового. Оказалось, дешевле.

Наконец мукосей проснулся и смог выслушать вопрос. «А, вот ты о чём, Приятель!» - и рассказал такое!!! Когда дошло до сознания, что и кому он несет, хмель вышибло из головы.

- Молчи, молчи, сказку расскажу.

Но, до сказки ли тут!

Клавдия говорила - ей десять лет было, - что на зимовке в Уфе была только Мамаша и она, как старшая, кого мог взять с собой Папаша. Митя, Саша, Тоня, ну, теперь нет её, оставались дома в Сормове, в доме дедушки, Папашиного отца. За ними присматривала бабушка.

Она помнит: маленького Якова окунули в кадку с теплой водой, седенький старичок крестился правой рукой: вначале касался лба сложенными пальцами, потом живота, потом плеч правого и левого, кланялся иконам, и говорил непонятное. Дядя и тётя - крёстные дули и плевали на невидимого, но присутствующего невидимо Дьявола. Когда всё справил как надо, старичок посмотрел в толстую, в коже, книгу, нашел в ней имя святого Якова.

Так и вошел в жизнь Яков свободным от Дьявола, но... с печатью первородного греха. Так Мамаша сказала, когда стал он разуметь. Но уразумел Яков лишь тогда, когда разъяснил тайну пьяный мукосей.

16

Реже стал бывать в казарме повзрослевший Яков, нечего ему там делать. И как Приятель он другим перестал быть интересен. Зашел как-то, видит, все сгрудились вокруг парня, а он бутылку встряхивает. Как только пузыри исчезнут - в бутылке как бы ничего нет. Всё в ней как бы одно стекло. Оказалось, царь забрал торговлю водкой в казну. Монополия! Чиста! Крепка - 40 градусов!

- Головка красная дешевле - это простонародью. Белая - «повкуснее» для благородного сословия и побогаче кто, - с упоением рассказывает парень.- По сургучу царская печать. В Мысовке в казенной лавке казённое

вино, казенный продавец. Царскую печать он не сорвёт - не посмеет. Сорвёт - голова с плеч.

- Го-го-го! - загоготал собравшийся народ.- Теперь не обманет, водой не разбавит!

До того как царь додумался сам водкой торговать, продажу пенной вели откупщики. Они откупали в казне право торговать водкой за большие деньги, целовали крест и Евангелие. Клялись, что больше брать, чем положено, и разбавлять водку не будут. Оттого они назывались «целовальники» А кто за ними уследит?

В Мысовке целовальник имел две бочки. Из одной черпал ковшом для трезвых, из другой - кто уже ничего не смыслит. Пьяный или с похмелья всё с себя отдаёт, лишь бы ему водкой пахло.

Стал Яков замечать и пьяных. Прежде ему казалось, что лежат на нарах больные. Но мукосей Иван становился царем «Максимельяном» всякий раз, как в двери появлялась шатающееся фигура. По воскрксеньям «царь Максимельян» приказывал дневальному, или сам вязал пьяному руки и ноги, если он брыкался, и клал на нары под одеяло, пока дурь с ним не пройдет. А некоторые и без этого слушались.

Яков осмелел, стал похаживать из-за своей изгороди в Мысовку - здесь пьяные были сами по себе. Они бродили по улице, нещадно матюгаясь. Яков знал уже, что это значит. Другие лежали, кто в канаве, а кто прямо на дороге, и видел — дрались.

Яков впервые видел, как люди, русские люди, без войны, били нещадно друг друга в лицо, в грудь, пинком ноги в пах, а лежачего - в живот.

Видел впервые человеческую кровь на лице, выбитые зубы.

Мамаша говорила с приговорами: «Спаси нас, Осподи, и помилуй, что делают пьяные в своих домах со своими чады, с домочадцами!»

Папаша бутылки-рюмки держит для гостей, но сам хмельного капли в рот не берёт, табаку - ни-ни. Вера не позволяет, а больше Мамаша. Раз Папаша пришёл с работы не совсем такой, как всегда, и долго-долго сморкался, чихал у рукомойника. Но даже Яков заметил за столом: «вонько незнаемо». А Мамаша покраснела вся от натуги, вылезла из-за стола, и всё плакала. Плакала весь вечер и ночь, и утро, и печь не топила, и спала на половиках, на кухне, не с Папашей, и заставила Папашу креститься на Богородицу в киоте, и поклониться ей в ноги, и сказать: «Слава Пресвятой Деве Марии, больше не буду».

В машине маслёнщики над некурящим Карпом подсмеивались:

- Что, Иваныч, бабушка не велела?

- А ты хоть нюхни, - и сунули в нос щепотку нюхательного табаку.

- «Табашнику» в Царствие Небесное вход заказан, - твердила Мамаша. - А ты, ну-ка, в дом родной такой пришёл.

Якову очень не по носу был табак в казарме. И щиплет, и в горле першит. Мукосей Иван просто выгонял курилок в нужник - воняй там, где положено! Как хорошо, что Иван был одной с Папашей и Мамашей веры!

Оказалась, есть и другая вера, по которой можно пить, и когда человек родится, женится, и когда его хоронят. Пить в Воскресение Христа, в Рождество, на Пасху, на Масленицу, в другие дни, если они праздничные, в получку, когда человек в гостях или сам гость, или когда вздумается, и как предпервое за обеденным столом.

17

В 1900 году летом на своем пароходе «Феликс Фор», что над капитанской рубкой нес золотой шар, Башкиров Николай Емельянович умер.

Он плотно откушал стерляжьего супа на мясном бульоне - специального повара с собой возил - беф-строганов или телячий бок с гречневой кашей, которую он больше всего любил. Но то или другое, точно не установлено. Съел яичницу-глазунью из пяти яиц, запил шампанским, а потом квасом, и вышел проветриться, весь красный и потный.

Только он взобрался по трапу к капитану на мостик - его и хватил «кондрашка». Упал. Левой рукой, пальцами, еще маячил, но язык совсем отнялся. Наконец и левая рука упала на палубу.

Оставил капитала и всего движимого и недвижимого на шесть миллионов.

Жен-наследниц оказалось семнадцать - всем он бумаги давал, дома обещал. У каждой адвокат или кто другой объявился.

Капитал разделили быстро. Пароходы, баржи, склады с мукой тоже быстро пораспродали, а деньги поделили. Но мельницу никто не покупал, а адвокаты хозяевать не умели, да и как мельницу делить?

Мельница остановилась. Казарма опустела.

Последним, смазав машину, уложив в ящики легкое и ценное, не получив расчёта, уехал Папаша.

Куда опять? Куда, кроме Сормова, к отцу, пусть он с ним и не ладит. На Узко-Заводскую!

Дедушка принял. Отказал квартирантам, занимавшим верх.

У мамаши с папашей ведь Клавдя, Саша, Митя, Яков, Граня, да ждали кто-то еще будет, неизвестный пока, девчонка или мальчишка. С ним одним в дому шуму будет больше, чем со всеми остальными. А дедушка был строг, ой как любил порядок, послушание.

Опять Папаша поступил слесарем в механический цех.

На задах усада деда, за баней на Глухую улицу выходил маленький домишко Батракова. Дед его называл просто Батрак. Поперёк Узко-Заводской и Глухой шел Батраков переулок.

Самое примечательное - камень около угла дома, с Узко-заводской улицы, в проулок. Валун, пудов на тридцать, говорили. Яков никогда не видел таких больших, а откуда-то дедушка приволок и положил. Лучше всякой тумбы. Ай, да дедушка!

Первый дом деда на Глухой улице, полукаменный, выпятился чуть не на середину. Теперь в нем жил старший его сын, дядя Якова - Александр, любимец дедушки. Первенец, и он баловал его. И Александр был такой ласковый с отцом.

У дедушки три сына: Александр, Карп и Осип.

Карп - это Папаша, средний. У него нет ничего. Он не то чтобы тощий, но и не толстый, как Александр. На заводе он мастер. Третий, Осип - о нем ни слуху, ни духу с тех пор, как убежал.

После пожара, когда сгорел дом Батракова, дед выстроил ему избушку, чуть больше бани, на задах, а себе большой двухэтажный дом, на переду, на его месте, разобрав остатки на дрова.

Батраков брал у дедушки под отработку муку, еще чего-то из съестного, из ношеного, деньги. Не отработал. Дедушка считает, что он правильно сделал. Тем бы и кончить, но не кончилось.

Напоминания Батракова деду очень были не по нутру. Он и разругался с ним.

- Кулак ты, сукин сын! - и по матерному крыл деда Батраков.

В воскресенье Яша проснулся от пьяного крика.

- Тпру, мой камень!

Яков глядит изумленно в окно: на камне мужик в тиковых исподниках плясал вроде как «под камаринского», тряс клочковатой бородой, волосьями без шапки, и беспрестанно повторял, грозя Якову:

- Тпру, мой камень!

Дедушка прятался от сраму, говорил досадливо:

- Не смотри, Яшка, это Гришка Батрак налил зенки винищем. Вино это хуже скота человека сделает.

Яша никогда не будет пить. Дедушка старый, он всё знает. Дедушка держал лошадь, гнедого Ваську, который издали узнавал дедушку по его тяжёлым шагам и весело ржал, за что дед давал ему осьмуху меры овса.

Вот лошадь, а ума, как у человека. Дедушка запрягал Ваську, привозил откуда-то целый воз обгорелых брёвен, толстых, а больше тонких. Пилил их на дрова.

Яше нравилось тянуть пилу на себя, а дедушка поил его чаем с кренделями. Дедушка хороший.

Но Папаше не нравилось у дедушки. Он был другого мнения и о соседе Григории Батракове. Камень тот привез и положил его навечно тут, у своего сгоревшего дома. Но Папаша уж очень не любит, когда Батраков пьяный всех без разбора срамит, и Папашу, раз он тут живет.

18

Через проулок вся усадьба заросла крапивой и колючим чертополохом. Только кирпичи, оставшиеся от фундамента, говорили Якову, когда он лазил туда за кузнечиками, что тут тоже жили люди. Сожгли по злобе, и хозяин возвращаться на проклятое место не хотел уже.

Дедушка по ночам выходил и колотил в колотушку, мол, знайте, недруги, не сплю. А всё же забрались в амбар над погребом, утащили два мешка крупчатки «первой голубой», два только что засоленных окорока. Кто? Полиция так и не разыскала, да она с жульём заодно.

Ходил дедушка к самому становому, дал «на калачи», и это не помогло. А ведь дедушка не какой-нибудь, а в день Тезоименитства его Императорского Величества вывешивал трехцветный флаг, один на всей Узко-Заводской. Старостой деревни Соромово был не раз.

А вот Осип связался с вольницей. Лапти одел, ходил с такими же босяками по улице и горланил под окном:

«Богачу-кулаку с богатством не спится,
Бедняк гол, как сокол, - пьет, веселится!»

Дедушка на Осипа - приставу. А Осип взял да поджёг - дом обгорел не весь, затушили. А после рейкой обшили, охрой на масле покрасили. Де-

душка вывеску заказал: оловянная бумага мятая под выцарапанными буквами на закрашенном сажей стекле:

ДОМ
Ивана Никандровича
КОКУШКИНА

Красивей любой, пожалуй, в деревне Соромово.

Как-то поздно вечером, осенью 1901 года, Яков взглянул в окно, что выходило на Узко-Заводскую, и показалось ему, что, должно быть, за Волгой, всходит солнце - заря разгорается. Позвал папашу.

- Мельница горит! - и почти никогда папаша не ругался, а тут зло выругался: - Эх, нет хозяина!

Сколько трудов, беспокойных ночей вложил Папаша в мельницу! Мост железный через Линду построил - вечно ему стоять, а вот - нет хозяина.

Ранней весной, когда начали распускаться душистые тополиные почки, раздалась тревожная дробь барабанов. В 1902 году по Узко-Заводской, от главной проходной к его дому, видел Яков впервые, живые солдаты идут по четыре в ряд, винтовки штыками ощетинились, на задних бело-сине-красные флажки. Такие же, но большие дед в царские дни на доме вывешивал. Впереди - в золотых погонах командир и с обнаженной саблей.

- Папаша! Война? С кем война?

Папаша смотрел угрюмо. Молчал. Мамаша причитала: политики проклятые. Им Бога, царя не надо! Резать, грабить. Конец света близко.

От ребят на улице Яков узнал: на Большой Дороге политики красный флаг выкинули, народу много собралось. Солдаты стрелять хотели. Народ разбежался. Политиков взяли, главного били.

После, в 1905 году, когда говорили открыто на митингах, что эта рота расстреляла Первомайскую демонстрацию, одну из первых в России, и на этих солдат со штыками, шел знаменосец, сормовский рабочий Петр Заломов.

На красном знамени надпись - «Долой Самодержавие!»

19

Учился Яков уже в Сормове в церковно-приходской школе имени императора Александра Третьего. На фуражке и значок был, как лесенка лежачая: СЦПШ. Ребята так толковали, по-своему: Сам Царь Портки Шил!

Ребята на Узко-Заводской отбойные, ничто им нипочём. Яков первоначально боялся их. Но они научили его плавать.

В затон пригоняли по весне плоты, они были на воде и летом. Ребята брали Якова за руки-ноги, раскачивали и бросали в самую глубину. Когда Яков начинал пускать пузыри, они вытаскивали его за волосы и приговаривали:

- Ходючи по бережку - плавать не научишься.

И правильно: Яков скоро стал перегонять всех. Махал руками поверх воды — «по-саженски».

Через усадьбу от деда, где всё было спалено пожаром, только битые кирпичи остались, дом тоже Батракова, но этот богатый. У него на задах маленькая, кое из чего, избушка, где проживал грушевщик Путыркин. Он возил по Сормову тележку, ребята носили ему разные ржавые железки, старые калоши, рванье, какое бы грязное оно не было. Путыркин той же рукой, которой принимал хлам, вынимал из большого чугуна пареную грушу, ею и расплачивался. Сын его Лешка неизвестно чем занимался, но курил папиросы настоящие «Лаферм». Для похвальбы.

Мальчишки гурьбой бегали за Лёшкой. Был он заводила, усаживал всех в кружок вокруг костра, давал по папироске из серебряного портсигара и щепочку для прикуривания. Благородные, не «козьей ножке» чета. Яков нечаянно вдохнул в себя полной грудью, и чуть не задохнулся, а слёзы посыпались градом. Бросил папиросу в костёр.

Лёшка рассвирепел:

- Кури!

- Не буду!

- Мамка не велит, - язвительно хихикнул Лёшка.

Вокруг костра засмеялись. Его боялись. Но Яков не трусил. Он уже в казарме никого не боялся. Он встал против Лёшки.

- Ты мной не командывай! Не буду, и всё! В рот никогда не возьму!

Лёшка не полез драться.

- Эх ты, дурак семь раз! - презрительно сказал заводила. - Мамке пойдёшь жаловаться?

Мало того, что сам табачный дым был для Якова противен, а тут еще такие слова про него. И за что? Из-за вонючего дыма! Никто Якову такого никогда не говорил.

Яков, как и Папаша, был страшно упрямый, но не ругался, а молча, в себе переживал. Ушел он от костра, и чем больше над ним заводила надсмехался, тем больше Яков ожесточался и искал друзей по себе.

Но соблазн курить был. Может, и вправду, хорошо? Все, кроме староверов, курят. Раз дедушка подкараулил Якова между баней и стеной дома Шевалдина. Яков нащипал из пазов мха, набил закрутку из газеты - «козью ножку», и задымил, не заглатывая. Дед больно отстегал Якова вожжами: мог, стервец, баню зажечь, тут щепок сухих от стройки осталось много, а от бани сеновал и оба дедова дома превратились бы в дым. Так отделал, что до призыва на военную службу не курил. А когда ещё раз попробовал, окончательно понял: ничего хорошего в табаке нет.

Дед и папаша никогда не курили - вера такая не позволяла - грех!

20

Заведующим механическим цехом был Глеб Яковлевич, двоюродный брат Папаши - сын старшего брата деда. Держал Папашу в чёрном теле, потому что тот не кланялся низко ему. Не ставил его мастером и работу давал самую неценную.

После хлебной мельницы папаше было тошно, и он отводил душу за обедом, но никогда не матерился.

- Глебка-подлец, изменил вере, теперь даже старостой церкви святого Александра Невского.

Эта церковь построена на заводе, как цех, но только лицом на Александро-Невскую улицу.

Глебка слесарь был тоже дельный. Но заведующим его поставили потому, что уж очень зол был он с рабочими. Его боялись. Сам на задних лапках ходил перед директором, но не доносил, как Федор Михайлович Махалов. Хозяина теперь не было. Было акционерное общество, прибыли делили те, кто покупал акции общества «Сормово»».

Осенью, перед самой русско-японской войной пропивали Клавдю, выдавая замуж за Михаила Васильевича Колосанова. Как она плакала!

Не любила его. Но надо. Мамаша говорила: время пришло, и у будущей свекрови дом в Канавино, у неё он единственный сын. А у Мамаши дальше младшие дочери - сестры.

Мать жениха настаивала, чтобы свадьба была «не хуже, чем у людей», то есть богатых, купцов, хотя сама такой была лишь в мечтах. В магазинах она требовала только самое лучшее, а приказчики, сметив её гонор, подсовывали заваль, заламывая неимоверные цены.

Свадьбу решили справить как «пир на весь мир», в ресторане Пеклера, что против Московского вокзала. Яков ходил с разинутым ртом от необычайного великолепия, видя себя сразу в нескольких зеркалах, от пола до потолка.

Его подметили несколько парней, у которых воротнички были зеркально белые, и на них что-то черное было навязано. Они взяли его с собой в отдельную комнату, где длинный стол был заставлен бутылками самыми нарядными, таким обилием закусок, какого он никогда не видел. И дали ему вишневой запеканки.

- Хорошо? - задали коварный вопрос

- А вот это?

И поднесли ему зеленое. Яков хватил смаху - и горло было обожжено. Он, как и в случае с табачном дымом, почти задохнулся. Но быстро прошло. По телу разлилась приятная теплота. Парни с любопытством наблюдали, и один из них спросил:

- Повторим? Это хорошая, под белой головкой.

Яков с осторожностью, но все же допил до конца.

- Молодец! Хорош! - похвалили парни.

- Вот будущий мужчина!

Якову понравилась лесть. Да он уже много старше себя чувствовал, чем когда его учили курить.

Еще раз зашел с парнями в буфет. В голове кружило, и играла музыка. На третий раз - парни были с ним по-свойски, хохотали до слёз, когда он, покачиваясь, удалился в зал, сел в плюшевое кресло. Люди и зеркала качались перед ним. В последний момент, прежде чем потерять сознание, он видел, как муж сестры мамаши - Трифон, здоровый мужик, кузнец кузнечного цеха, с безумными глазами пересёк строй танцующих кадриль, и, подняв высоко стул, бросился с ним на трюмо. Так «шиковали» на нижегородской ярмарке богатые купцы, а чем Трифон их хуже? Мамаша с криком ужаса - платить за всё придется ей - бросилась на него, а потом уже к Якову, из которого судорожно вываливалось на брюки, на пол съеденное и выпитое.

На минуты к Якову приходило сознание, когда его сажали в «вагончик» поезда сормовской железнодорожной ветки. Проснулся он на полу, в одежде, мокрый и грязный от собственных выделений. Во рту было гадко, голова совсем не своя, в ней трещало. Но горестные его мысли прервало видение на «горке» с посудой: небольшой графинчик с водкой, перевязанный

розовой ленточкой, каким свахи размахивали при свадебном шествии, не был пустой. Его и потянуло неудержимой силой. А Яков уже слышал об этой неудержимой силе - опохмелится!

- Баста! Зарок! Не пить ни рюмки! Никогда!

21

В поздний вечер августа 1904 года пришло страшное известие: японский флот напал в нейтральном порту Чемульпо на русские корабли - крейсер «Варяг» да канонерку «Кореец», и вынудил их принять неравный бой, В результате команда сама затопила крейсер и взорвала канонерку. В Порт-Артуре минами был подорван броненосец «Ретвизан», другие корабли получили повреждения. Началась осада крепости.

Яков был до глубины души возмущен таким вероломством. Учили, что обычно войны начинаются так: «Иду на Вы».

Потом Яков видел на заборах наклеенные в красках большие листы, на которых топили беспощадно вражеские японские корабли. Но стали прибывать солдаты-калеки и рассказывать, как генерала Куропаткина бьют в Манчжурии. А в газетах писали, как генерал Стессель позорно сдал Порт-Артур. В Цусимском проливе потоплена шедшая на выручку Дальнему Востоку эскадра адмирала Рождественского - всем стало ясно, что победили «макаки», а иконы, вагонами отправлявшиеся из России, никак русским воинам не помогли.

Каменная Школа уже была построена. К ней от главной проходной в завод, по улице Александра Невского, шел оркестр под трёхцветным царским флагом. Трубы, как на похоронах, гудели «Боже, Царя храни, державный, царствуй на славу...». За оркестром шла кучка каких-то личностей. Куда? Зачем? Яков равнодушно отнёсся к этому событию. Хоть с музыкой, а радости мало.

Печеный ржаной хлеб стал продаваться в лавке Кутюкова не по 2 копейки за фунт, а по 4. Заработки упали, рабочий день увеличился до 11 часов. Простой рабочий зарабатывал, хорошо, если рубль в день. Папаша был уже мастером в механическом цехе по ремонту станков за 80 рублей в месяц на восемь ртов - Папаша, Мамаша, Саша, Митя, Яков, Граня, Валя, Анна. Борис умер, родилась Анна.

Бабушка Красильникова до самой смерти про политиков говорила плохо: им Бога, им царя не надо. Но у нее есть внучек в Печёрах, Митя. Он гимназист. К нему ходил Яша, когда задача не выходила.

На воскресенье потекли ручьи, солнышко, Яшу опять потянуло к Мите. Без задачек - он их стал хорошо решать сам, и ученье кончил за первый класс хорошо.

Сапоги зачерпнул, но шел, и пришёл. У отца Мити был сад «агромадный», огород. Осенью снимали урожай, на площади Сенной продавали, тем и жили.

У Мити гости. Такой же, как он, гимназист и две барышни. Они простые, как Клавдя и Саша, но как-то особенно простые. С Яшей ласковые, хотя он и грязный: лошади обрызгали, а кроме коневой дороги нигде не пройти. И мокрый. Обсушили.

Митя со стены снял, как он объяснил, гитару. Яша сосчитал - струн семь. Митя ловко перебирал струны пальцами левой руки, а правой щипал. Получалось, правда, не так, как волосом у Левки, но Митя сам выговаривал слова, когда играл:

«Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно,
В роковом его просторе,
Много бед погребено.
Смело, братцы, парус полный,
Смело вдаль направлю я,
Полетит на скользки волны,
Быстрокрылая ладья,
Там за далью непогоды,
Есть блаженная страна,
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина».

Это как за стеной, которая раздвинулась в театре перед Смирновым, подумалось Якову. Вот хорошо!

Барышня одна вдруг встала. Волосы не завитые, как у барынь, а как-то подстрижены, как у парней, сама в рубашке с ремнем. И начала громко и складно говорить о соколе. Уж очень чудное: Сокол рвался кверху, а буря сокола ударяла о камни. Кровь! А он рад. Уж, подлый, ползучий, ещё надсмехается.

И вдруг Яша слышит — «самодержавие», «народ», «борьба», уж не политика ли? Митя увидал нахмуренное лицо брата, хотел спросить, а тот сам сказал:

- Политиков убивать надо.

- Почему?- голос Мити был ласков и мягок.

- Бабушка сказала... Они против царя и Отечества.

- Ах, бабушка! - и Митя как-то особенно вздохнул и не стал более говорить ничего. Но Яков уже забеспокоился:

- Политики хорошие люди? Да?

Один глаз у Мити вытек, когда он маленьким упал в саду в сухой бурьян. Но барышни как будто не замечали этого. А сам Митя всё видел и всё знал. Митя - политик?

22

Яков в СЦПШ учился вместе с Хмелёвым в одном классе (в 1937 году он стал Народным артистом, служил во МХАТе). Учитель Сперанский - священник сормовского Спасо-Преображенского собора.

Соромовой, Срамной деревню исстари звали, потому что через неё проходил торговый тракт из Нижнего Новгорода на Балахну. А в Балахне из колодцев добывали соль, её возили купцы торговать в Макарий на ярмарку. Сормачи купцов и грабили. Называли сормачей ещё «дубинщиками»: шубы шили дубовой иглой - дубиной.

Между Соромовой и Дарьиной мост через речонку Парашку. Выскочат из-под моста с дубинами - и концы в воду. В Волгу унесёт. Деревни Дарьину и Варю звали потому, что помещицам таким принадлежали, а вот Соромову никто не брал за себя. Троицко-Печорская Лавра только взяла и поставила сормачей на оброк. Земли у сормачей совсем не было - пески под сосной, болота с торфом - разве это земля?

Ковали они гвозди каждый в своей кузнице, на заливном лугу строили рыбницы для Астрахани - небольшие суда. Бурлачили сормачи на Волге, но мало.

По бумагам Балахны, Кокушкины, как искусные плотники, привезены были из Ярославской вотчины Лавры на машинную фабрику в Соромово. Таких же мастеровых вывезли с горных заводов Урала, из Выксы, из Кулебак.

23

9 января 1905 года генерал Трепов расстрелял рабочих Петербурга, шедших с просьбами к царю во главе с попом Гапоном. Яков пел вместе с другими ребятами:

«Царь-вампир пьет народную кровь.
Вставай, поднимайся, рабочий народ,
Вставай на врага, люд голодный.
Раздайся клич мести народной
Вперед!
Вперед!
Вперед!»

Граммофон крутил пластинку, напетую Шаляпиным:

«И поднимет народ
На царя и господ
Здоровенную нашу
Дубину.
Эх, дубинушка, ухнем!
Раз, зелёная, сама пойдет!
Идет-идет,
Идет-идет,
Сама пойдёт!»

Яков декламировал «Песню о Соколе» Максима Горького. С увлечением, запоем читал в это время всё, что удавалось найти: фельетоны Дорошевича, статьи Григория Петрова - попа-расстриги в «Русском Слове», «Нижегородский листок», где кто-то за подписью «Никто-не» ловко поддевал Царя, читал книжечки по копейке издания «Донская речь» Скитальца, брошюрки с красной обложкой издания «Молот», Лассаля, Лафарга ... Конечно, очень многого не понимая.

За брошюрку Маслова «Аграрный вопрос» всыпали бы казаки Якову по пятое число, если бы не успел он сунуть её в сумку железнодорожнику в «вагончике» при облаве - не показывай кулаки и кукиши, не махай красным платком перед быком.

За стеклом окна книжной лавки видел книгу Бельтова «К развитию монистического взгляда на историю» и толстый, как Библия, «Капитал» Карла Маркса. Большой учёный, с умным лицом, обрамлённым шевелюрой густых волос на голове и лице, глядел на Якова из-за стекла внимательным взглядом...

Находил радость в узнавании. Оказалось, день и ночь - это очень просто: земля шар, сама крутится, подставляя солнцу то один бок, то другой ежесуточно. Её воображаемая ось наклонена к солнечному лучу. Год - это полный оборот вокруг солнца. Малое отклонение - больше солнца, большое - меньше. Получается лето, осень, зима, весна каждый оборот вокруг солнца, каждый год. Оказалось, и души нет у человека, а дышит он грудью, как мехом кузнечным воздух забирает и выдувает. Сердце просто насос.

Яков ораторствовал перед учениками городского имени Святого князя Владимира училища, находившегося в Канавино, где жил у сестры Клавы. За его ораторствования была дана, в насмешку, кличка «Бебель» - это фамилия трибуна германской социал-демократии. Была она широко известна в среде сормовских рабочих, ею наградили социал-демократа Сухова - популярного оратора на митингах. Но классные насмешники додумались убрать первую букву, что получилось не очень красиво.

Якову нравился лозунг социал-демократов: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» В нём слышался голос протеста против войны с Японией. На весь коридор училища, покрывая шум перемены, орал на мотив «Жизнь за Царя» Глинки:

«Славься, славься,
Романовский род,
Тем, что всех более
Грабил народ!»

Как-то дома, без отца и матери, он занимался тем же делом, а священник переступил порог. Как он шарахнулся назад! И Яков перепугался. Но сколько было смеху потом!

Декабрьское вооруженное восстание 1905 года. Яков был в Канавине, у Клавы.

По объявлению Всероссийской всеобщей забастовки занятия в училище отменили, и «вагончик» не ходил. Пушки бухали у Московского вокзала, занятого боевой дружиной, но скоро перестали.

В Сормове восстание длилось три дня, и когда Яков воротился домой, то видел только пробоины в толстых стенах «Каменной Школы», да разбитые баррикады.

Муж сестры Саши, Мартимиан Абрамович, говорил с досадой:

- Мы их трехлинейными, а они нас трехдюймовыми. Вот когда мы их

шестидюймовыми (Мартимиан Абрамович в снарядном цехе вытачивал корпуса таких), тогда дело выйдет.

Папаша был в страшном смятении: в дом Глебки, что на Сормовской Большой дороге, попал перелётом снаряд и пробил обе стены, не разорвавшись. Старуха-мать молилась. Если бы не делала в тот момент земной поклон, то снесло бы ей голову.

Уже хотел бегством спасаться, в Копосово ехать, даже Ваську запряг, телегу кое-каким скарбом начинили, но выглянуть нельзя, полицейские и казаки стреляли по каждому выбегавшему на улицу. Так застрелили Шимборского у Якова на виду - у Главной проходной. Ругал социал-демократов, потому что близок был к Шпагину, в их цеху. Папаша уже мастером был в механическом, по ремонту станков.

Восстание усмирили.

Политики, кто остался жив, разбежались, других поувольняли и записали в «черную книгу». Без получки, Клементий Егоров, брат мамаши, понес продавать сапоги, а его Папаша обругал:

- Что? Просветились?

Но денег дал. Как Якову было жаль дядю: он в пьесе Льва Николаевича Толстого «Власть тьмы» главную роль выполнял.

24

Страшнее стало после. Федька Антонычев, который Якову за-прещённые книжки доставал, стал ходить с хоругвеносцами. Гордеев, красивый парень, тоже из городского училища, который всё распевал из оперетки «Прекрасная Елена»: «Я - Парис, я - Парис!» - пьяный насмехался над Яковом, продолжавшим придерживаться зарока «не пить, не курить».

Ребята в училище читали Пинкертона, про американских сыщиков, а Яков - Фенимора Купера, про краснокожих индейцев: это куда интереснее, не враньё, про настоящих людей. Прочитал все двадцать томов «Жизни животных» Брэма. Мамаша ворчала: «Беззастёжные» книги, не к добру». Папаша молчал, табель каждый месяц просматривал: пятёрки, четвёрки, а уроков, вроде как и не учит, только книги из библиотеки берёт: «Природа и человек на берегах Тихого океана». И зачем сыну Тихий океан? Но Якову великую радость приносило узнавание. Когда ему попало в руки «Происхождение видов», он уже знал: в природе всё делается само собой. Нет над природой никакой силы, кроме неё самой. Сам человек - это часть природы.

Молиться Яков бросил ещё в 1905 году, когда узнал от Виктора Шимборского, на митинге, что бога нет, и Христос тоже выдуман священниками да богачами. Снял крест через шею, чем совсем обидел Мамашу. Митя просил: не верь, но крест оставь ради матери.

- Нет!

- Но как люди могут жить, если страха перед Богом нет? - Мамаша качала горестно головой, говорила об Антихристе, который явится перед концом света и горько плакала. Янька-то, Алатырь, не молится. Антихрист близко. И ещё усиленнее клала поклоны перед иконами и за себя и за Яньку. Бог за сына спросит.

Папаша с Мамашей часто сажают за стол вместе со всеми старичка седенького Сеничкина, в кузнечном цеху кузнецом работает. Тут Яков узнал: беспоповского Папаша с Мамашей согласия. Старичок читает псалтырь в моленной, а за это обедать ходит из завода то к одним, то к другим. Приходила тётка из Дарьина - Рачкова. Мамаша жаловалась на Яньку, не был ни разу в моленной. Рачкова была тоже старой веры, но другого согласия, у них своя моленная. Зазывала Якова к себе - у них, мол, лучше. Приходили ещё старухи, в чёрных платках, с постными лицами. Все приговаривали никониан к мукам вечным в аду: Никон «аз» украл из Символа веры, принятого ещё Константинопольским Собором. Надо про Христа «рожден, а не сотворен», Никон же сделал «рожден, не сотворен». Никониане складывают для крестного знамения три пальца, большой указательный и средний, молятся «кукишем», а надо по-древнеапостольскому, как и для благословения, два - указательный и средний выставить вперёд. Тогда Богом молитва будет принята. Яков видел и слышал одну злобу, с которой они смотрели на весь мир.

Не мог Яков мириться и со сверстниками по улице и училищу. Одни искали удовольствие в стравливании собак, другие под влиянием Зернова с его дрожащими руками ловили и били гимназистов. Но Яков знал, что били конкурентов Зернова по ухаживанию за гимназистками, и решительно отказывался быть заодно с ним. Били и Якова, как «не своего».

Как быть? Что делать?

И попалась в руки Якова книжечка под названием «Детство, отрочество, юность» Льва Николаевича Толстого. Раскрылись перед ним новые горизонты. Выход - в самосовершенствовании. А для этого опроститься. Яков, уже не стыдясь насмешек, надевал летом длинную холщёвую рубаху, ходил босым, и только читал, читал, читал. Лев Николаевич Толстой

указал ему смысл жизни, и Яков следовал ему: Царство Божие внутри нас, а Бог- это Совесть.

Пришло время Якову влюбиться. Она была гимназистка.

Раньше, когда она училась в церковно-приходской школе, на Пасху катали крашеные яйца у Антонычева дома. Она еще девочка, Федька крутился около нее: «Еня, Еня». Яков, как и все, наблюдал с живейшим интересом: чьё яйцо кокнет скатывающееся - того и выигрыш. Он поднял своё битое яйцо и взглянул прямо в серые глазки Ени. Она густо покраснела, следом и Яков. Такими взглядами они обменивались и когда одним «вагончиком» ехали в Канавино: она в гимназию, он в училище. И всё.

Летом Яков садился на скамейку у дома деда, а напротив, но далее дома Курициных, в доме Ярцева, во втором этаже через стекло появлялось розовое пятнышко, как бы всходило солнышко. Оно грело Якова своим радостным теплом, не требуя от него ничего. И так каждый раз.

У дома Ярцевых собирались сам Сенька-Хромой, Бояркин, Загрёбин, Третьяков, Малиновский Петька. И Яков заботился лишь об одном, чтобы его косые взгляды на окна во втором этаже не были бы подмечены. Ему было страшно за Еню от возможных грязных намёков и предположений. Ему достаточно было одного: смотреть.

Городское училище Яков окончил с похвальным листом за каждый год.

Знающие люди советовали ему держать экзамены на аттестат зрелости, тогда можно учиться дальше. Но дед ворчал: много их, инженеров-то. Механическим цехом тогда заведовал инженер с польской фамилией Заканчковский. Папаша за обедом называл его не иначе, как «зелёная кровь». Притеснял он рабочих еще более чем Глебка. Митя в техническом училище выучился, стал чертёжником. Пришёл раз пьяный - не выдержал издевок «галстучных интеллигентов», и ушёл в цех работать токарем.

25

В 1909 году продолжалась страшная безработица. В завод не брали и хороших работников, не то чтобы мальчиков, хоть и «на побегушки». Якова взял кочегаром на буксирный пароход «Самарец» Мартимиан Абрамович. Смог он это сделать потому, что был на пароходе машинистом. Вахта Якова была дневная. Он помогал и масленщикам заправлять маслёнки Штауфера, и шуровал котел мазутом. Двенадцать часов в день без выходных переносил легко. Заработок 12 рублей в месяц тоже не шутка. Харчи

простые и дешёвые: хлеб, помидоры, льняное масло. Делали всей сменой «мурцовку» и съедали на баке. Жить можно! Однако хозяин выдавал только половину заработка - 6 рублей. Полностью только когда пароход поставят в затон, на зимовку. Хорошо, вроде бы, - деньги целее, но обидно. Хозяин не неволит: не хочешь - уходи, за бортом много желающих. К тому же ты и половину не получишь.

В зиму опять не было работы. В конце 1910 года Михаил Васильевич Колосанов выхлопотал-таки: Якова приняли в главную бухгалтерию завода конторщиком на прессе. Почерк у него совсем не конторский. Положили Якову 15 рублей в месяц, без доплат за переработку сверх 10 часов и за работу в воскресенья. И то ладно. Федя Мухин роднее Якова Михаилу Васильевичу, по матери, а не по жене, и почерк у него лучше, завидовал и сердился. Это очень огорчало Якова, но.. .ничего не поделаешь. Хоть и друг.

К тому времени, как Яков сам себя кормил, он стал и с твердыми взглядами на жизнь. Сам подобрал себе по мысли друзей: Евгений Глазов, фрезеровщик из паровозомеханического, его сестра, с ней подружилась и Еня. Скрипка, гитара, балалайка - сложился целый «симфонический» оркестр Керичковского. Играли оперетки в Клубе служащих Сормовскогот завода.

У Михаила Васильевича полное собрание сочинений Чехова - всё прочитал. «Моя жизнь» - моя жизнь, - решил Яков. - Я — «Мисаил - маленькая польза».

Эсперанто - в нем Яков нашёл отдушину, конкретный путь к братству народов. Это увлечение, как здоровый, после болезни, сон, избавило Якова в годы реакции от падения в болото аполитичности.

Он думал: вот человек - Заменгоф! Бедный еврей, со скудным заработком зубного врача, изучил 40 языков, создал эсперанто - международный язык, перевёл на эсперанто Библию.

Подобно Христу он нес на себе крест своей мечты о едином человечестве, стремясь исправить злодеяния сердитого еврейского бога, смешавшего языки строителей башни в Вавилоне. Над изголовьем своей кровати Яков рядом с портретом Льва Толстого прикрепил изображение этого робкого, в очках человека.

Если слово Евангелие в переводе с греческого — «благая весть», а торжественный колокольный звон на Руси - благовест, то таковым Яков воспринял эсперанто (надеющийся).

26

Мамаша, а особенно дедушка, при каждой новости от колодца или из «трубной» испытывали приступы страха или озлобления. И Якову становилось не по себе, когда посреди грязной немощёной улицы проходили гурьбой нетрезвые парни и нестройно пели под хриплую, разбитую гармошку:

«Черепа не ёжики,
По карманам ножики!»

А дальше давали такое! - уши зажимай. Даже в казарме мукосеи как-то сдерживали себя, зная какое-то, по-своему, приличие, а на Узко-Заводской ....

Это нарастала «Чёрная сотня».

Ночью, зимой вскочили в страшной тревоге: пламя через улицу било в самые окна, в которые мамаша, для отпугивания, вставляла святые иконы.

Слава Богу, пламя вскоре пожарная машина сбила, но дом, бревенчатый огромный, пятистенный, по шесть окон в каждом этаже по лицу, догорал.

Отец Гаврилы Курицына умер, а братья судились-судились, всё просудили: «Ах, так! Так лучше никому!» А оба рабочие. Что им надо?

Предстояло идти на военную службу. Следуя примеру Платона Каратаева...

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ В ФОТОГРАФИЯХ И ДОКУМЕНТАХ

Семья Карпа и Пелагеи Кокушкиных.
Янька — в центре, в белой рубашке. 1890-е годы.

Карп Иванович Кокушкин

Дом Кокушкиных (в настоящее время снесён) и флигель
на улице Свободы, 32 (бывшая Узкозаводская улица). 1950- годы.

Флигель, принадлежавший Кокушкиным, на ул. Свободы, 32. Фото 2014 года

Табличка в дверей дома А.И. Кокушкина

Äом на ул. Восстания (бывшая Глухая), в котором жила семья А. И.Кокушкина. 2014 год.

Яков Кокушкин. 1913 год.

Канавинское слободское училище,
которое Яков Кокушкин окончил в 1909 году

Яков Кокушкин в годы службы в артиллерийском полку. Владивосток, 1914 год.

Открытка, адресованная Якову Кокушкину, солдату 4-го крепостного артиллерийского полка г. Владивостока. Текст написан на языке эсперанто

Кокушкин Яков Карпович, родился в 1892 г., член КПСС с 1917 г. В революционной борьбе в Приморье принимает участие с первых дней февральской революции. В 1918 г.— член редколлегии нелегальной большевистской газеты «Красное знамя». В 1920 г. — уполномоченный Далькрайкома партии в Военно-революционном комитете Никольска-Уссурийского, председатель уездкома, военком Анучинского партизанского района. В 1921 г. руководил нелегальной партшколой в г. Владивостоке. В 1922 г. член Военного Совета партизанских отрядов Приморья. Затем на хозяйственной работе

Фоторепродукция с плаката об активных участниках революционной борьбы в Приморье в 1918-1922 годах.

Открытка, отправленная Я. Кокушкиным из Владивостока в 1916 году М.В. Колосанову - служащему бухгалтерии Сормовского завода

Кокушкин во время пребывания во Владивостоке — городе своей революционной молодости. 1970- е годы

Значки, принадлежащие Я.К. Кокушкину, в том числе дореволюционный значок общества знатоков эсперанто. «Матрёшки» из страны восходящего солнца — подарок Я.К. Кокушкину от делегата съезда эсперантистов из Японии

В этом здании до середины 1960-х годов размещался Сормовский райком партии. В угловом кабинете на 2 этаже этаже работал инструктор райкома Я.К. Кокушкин.

Я.К. Кокушкин с коллективом редакции Сормовского радио. 1940-е годы.

Сормовский дворец культуры в день открытия — 1 мая 1930 года.

Здание театра Фигнера на нижегородской ярмарке. После пожара здание было разобрано, из этого кирпича был построен Сормовский дворец культуры.

Интерьеры Дворца культуры в Сормове: фойе перед входом в театральный зал, комната отдыха. 1930-е годы.

Главный вход в СДК. 1950-е годы.

Читальный зал Дворца культуры. Дубовые столы и кресла прекрасно сохранились до конца 1960-х годов.

Предметы интерьера, привезённые Я.К. Кокушкиным
из запасников Зимнего дворца для украшения СДК:
ваза, часы, бронзовые статуэтки

В Сормовском парке культуры и отдыха. 1960-е годы

Юбилейный бульвар пока только в планах и на чертежах.
Начало 1960-х годов

Мечты воплощаются в жизнь. Середина 1960-х годов

Юбилейный бульвар, выросший к полувековому юбилею советской власти, стал одной из самых красивых улиц города.

Я.К. Кокушкин с ветеранами завода «Красное Сормово» на Юбилейном бульваре.

Юбилейный бульвар в наши дни.

Я.К. Кокушкин на записи в студии Сормовского радио

Организаторы Сормовского радиовещвния Я.К. Кокушкин и Н.Н. Басов

Орден Ленина, которым Я.К. Кокушкин был награждён в 1967 году.

Яков Карпович до конца своих дней владел ораторским искусством

Академик Ф. Г. Углов

Я.К. Кокушкин и Г.А. Шичко

А.Ф. Миролюбова и Я.К. Кокушкин. Сормово. 1981 г.

Президент Международной академии трезвости А.Н. Маюров, соратник Я.К. Кокушкина по трезвенническому движению в СССР в послевоенные годы, преподнёс в дар музею истории завода «Красное Сормово» «Всемирную энциклопедию наркотизма и трезвости».

В 2014 году Международной академией трезвости выпущена памятная сувенирная доска с изображением выдающихся деятелей Всемирного трезвеннического движения (Я.К. Кокушкин — третий в верхнем ряду)

ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

Дмитрий Карпович Кокушкин

Братья Карп и Дмитрий Кокушкины. 1954 год.

Лариса
Васильевна
Московкина
(1905-1979)

Яков
Карпович
Кокушкин
(1892-1984)

В.А. Московкин
(1879-1942)

Я.К. Кокушкин с семьёй в 1940 году (дети — Искра, орманьола, Мэльс)

Л.В. Московкина в госпитале среди медперсонала и фронтовиков, находящихся на излечении. 1945 год.

В этой, собственноручно отлитой на заводе алюминиевой кастрюле, Яков Карпович в годы войны варил себе на обед «отборный», самый мелкий, картофель

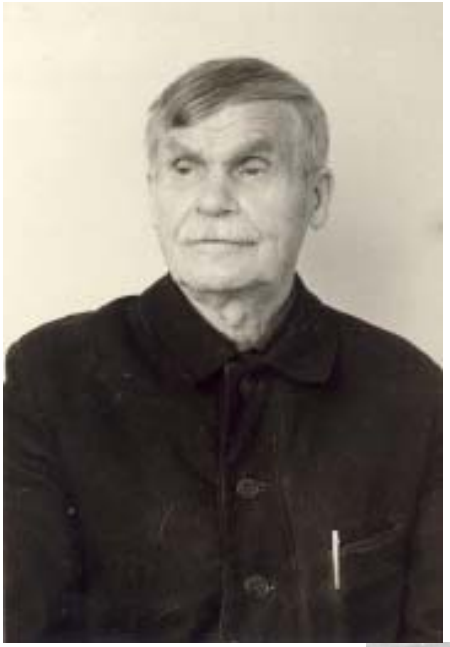
Семья Кокушкиных в 1950 году.

Ветеран партии Я.К. Кокушкин среди коммунистов сборочно-сварочного цеха. 1980 г.

В саду возле дома. 1955 год.

Я.К. Кокушкин с младшим сыном Миром. 1960-е годы

С детьми и внуками. 1975 год.



Последнее фото
Я.К. Кокушкина.
1980 год.

Старший сын
Мэльс. 1951 год

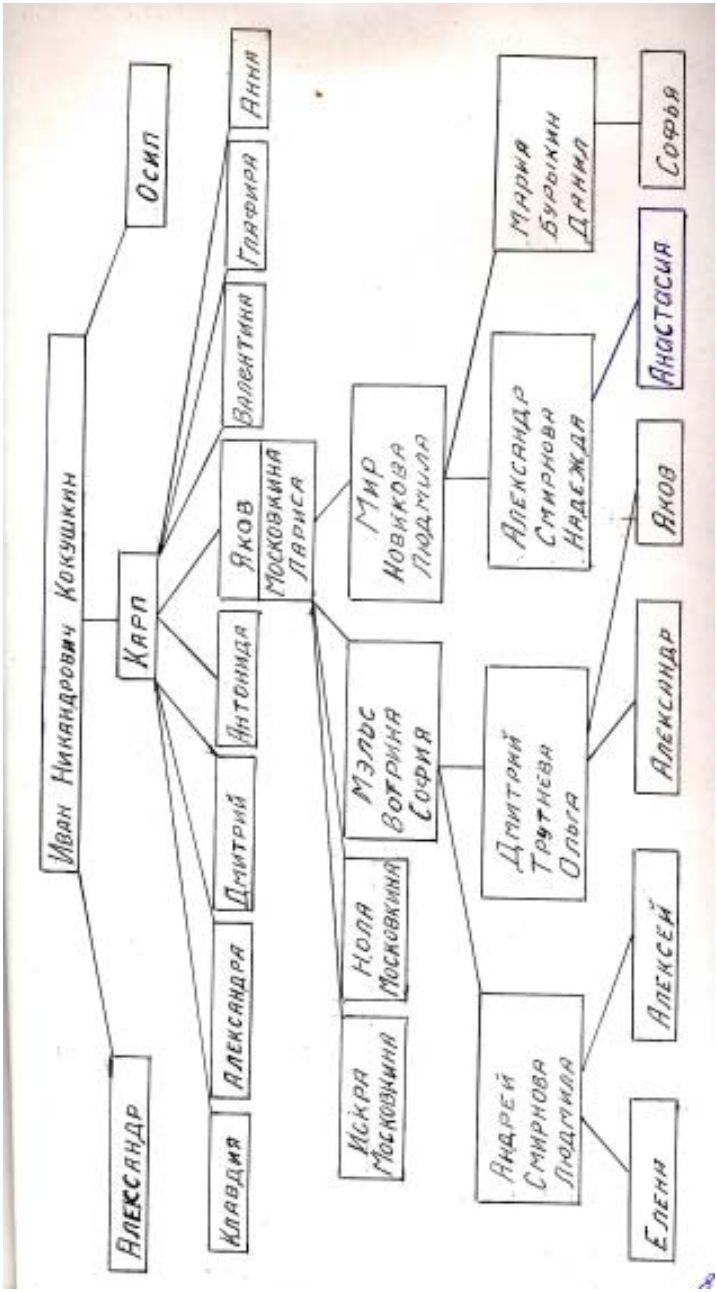
М.Я. Кокушкин (третий справа) на спуске сухогруза «750 лет г. Горького»

М.Я Кокушкин рассказывает об отце сотрудникам музея. 2015 год.

Памятник В.И. Ленину в Нижнем Новгороде.
(скульптор Ю.Г. Нерода). 1960-е годы

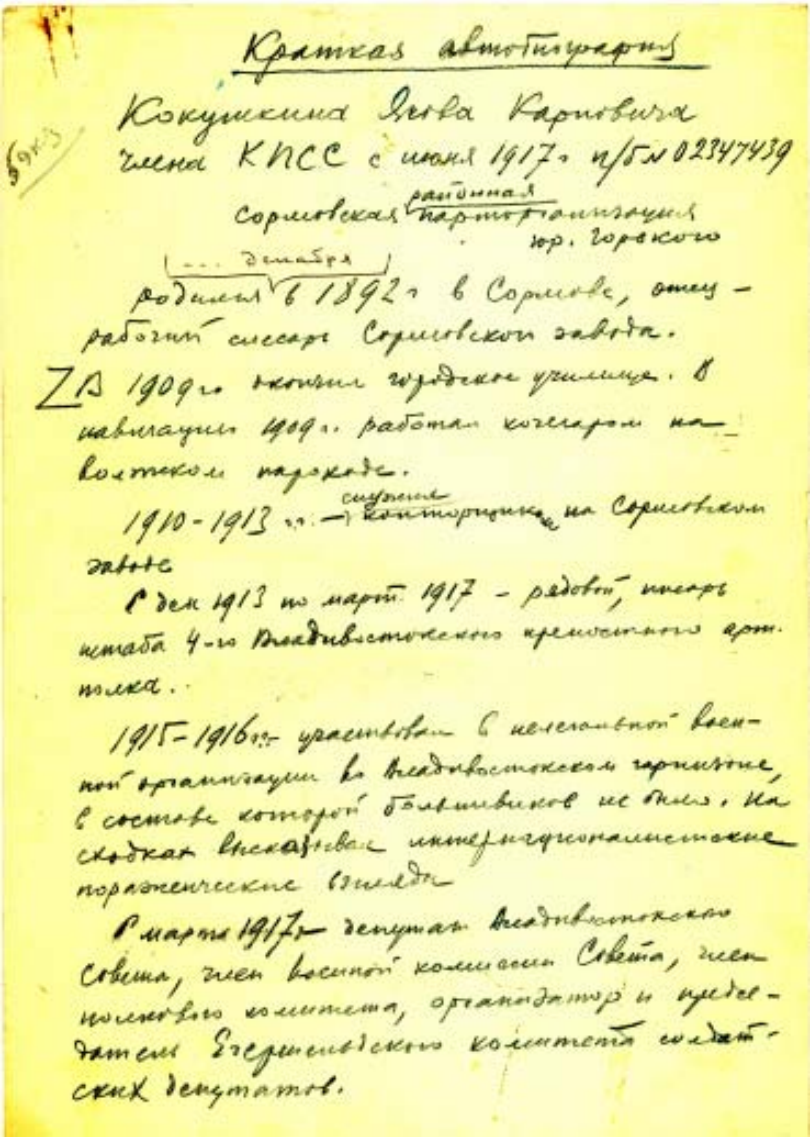
Скульптурная группа у памятника В.И. Ленину

Для образа бойца революции в будёновке и со знаменем в руке скульптору позировал Я.К. Кокушкин.



Родословная Кокушкиных (Составила Е.А. Миронова)

ДОКУМЕНТЫ



Краткая автобиография

Кокушкина Якова Карповича
члена КПСС с июня 1917 г. п/б № 02347439

Сормовская районная парторганизация
юр. Горького

... декабря
родился в 1892 г. в Сормове, отец — рабочий слесарь Сормовского завода.

В 1909 г. окончил городское училище. В навигации 1909 г. работал кочегаром на волжском пароходе.

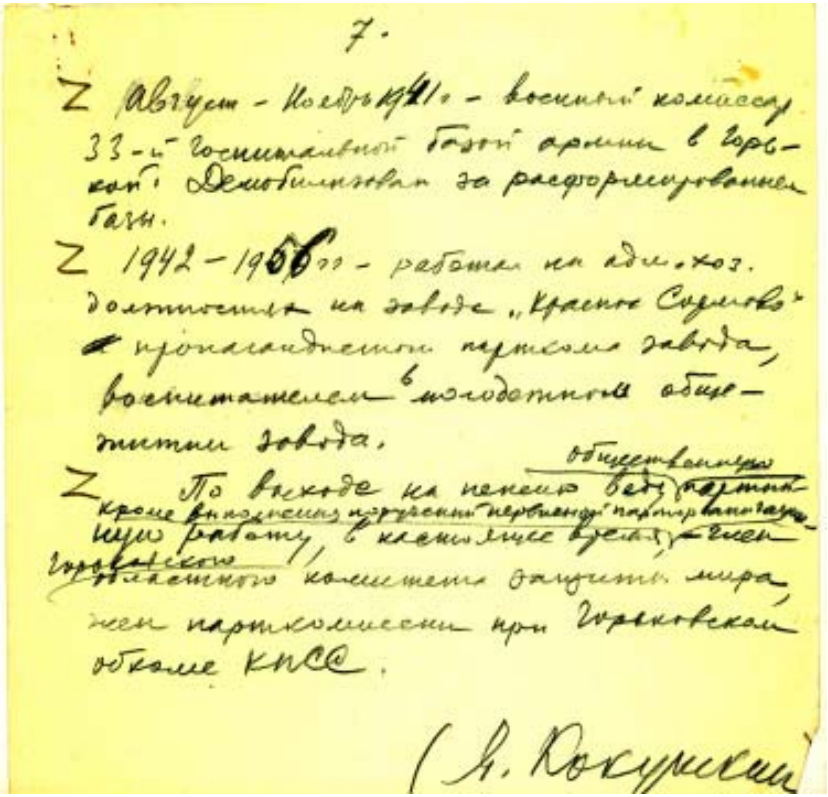
1910-1913 гг. — служил конторщиком на Сормовском заводе

С дек 1913 по март 1917 — рядовой, писарь штаба 4-го Владивостокского крепостного арт. полка.

1915-1916 гг. — участвовал в нелегальной военной организации в Владивостокском гарнизоне, в составе которой большевиков не было. На сходках высказывал интернационалистские пораженческие взгляды

С марта 1917 г. — депутат Владивостокского Совета, член военной комиссии Совета, член исполкома комитета, организатор и председатель Егершельского комитета солдатских депутатов.

Автобиография, написанная рукой Я.К. Кокушкина (1-я страница)



7.

Z Август – Ноябрь 1941 г. – военный комиссар 33-й Гостиничной базой армии в Горьком. Демобилизован за расформирование базы.

Z 1942 – 1956 гг. – работал на адм.-хоз. должностях на заводе „Красное Сормово" и пропагандистом парткома завода, воспитателем молодежного общежития завода.

Z По выходе на пенсию без партработы, кроме выполнения поручений первичной парторганизации, в клиническое время – членом Горьковского областного комитета защиты мира, член парткомиссии при Горьковском обкоме КПСС.

(Я. Кокушкин)

Автобиография и автограф Я.К. Кокушкина (последняя страница)

Приложение к фотоальбому
« КОКУШКИНЫ XX век»

Кокушкины – искусные плотники –
Вывезены в Сормово на сормовскую машинную фабрику из Ярославской вотчины Троицко-Печерской лавры.

Иван Никандрович Кокушкин
Вел торговые дела.Организовал сплав леса с р.Унжа,торговал лесом и дровами. Неоднократно был старостой деревни Сормово. На улице Узкозаводской имел двухэтажный пятистенный дом и двухэтажный флигерь /ныне улица Свободы дом 32 – напротив пожарной части/.

Александр Иванович Кокушкин
Мастер Сормовского завода.

Карп Иванович Кокушкин
С 15-и лет – подручный клепальщика на Сормовском заводе
17 – 20 лет – слесарь-сборщик паровых машин
25 –28 лет – машинист на пароходе «Нордо,ходил по рекам Волга,Кама
в 1895 г.- машинист,механик на мельнице Башкирова на р.Линда
в 1901 г.- слесарь на Сормовском заводе
в 1904г.- мастер по ремонту оборудования судомеханического цеха Сормовского завода.

Осип Иванович Кокушкин
Обладал строптивым характером, вел вольный образ жизни. В 1895г. поджег дом отца на Узкозаводской улице и уехал /пропал /.Видели в Барнауле /по слухам /, не возвратился.

Дмитрий Карпович Кокушкин
Окончил Кулибинское ремесленное училище, работал на Сормовском заводе: чертежником, токарем, зуборезчиком. Как лучший рабочий завода /по конкурсу/ в 1928 г. был командирован на заводы Германии сроком 1,5 месяца.

Яков Карпович Кокушкин 1892-1984гг
Закончил церковно-приходскую школу. Работал кочегаром на буксире «Самарец» /1909г./, конторщиком в гл. бухгалтерии Сормовского завода. В 1913 г. призван на службу в царскую армию, направлен в г. Владивосток.

Во время февральской революции в 1917 г. был одним из организаторов ядра большевистской партии во Владивостоке. В сентябре 1918 г.после разгрома белочехами и интервентами советской власти /Дальневосточной республики/ был избран в состав городского подпольного комитета ВКП(б) г.Владивостока. В период партизанской борьбы с интервентами был комиссаром , командиром партизанского отряда. В 1921г. курсанты партийной школы под командой Я.Кокушкина предотвратили белогвардейский переворот в приморье.

За активное участие в борьбе за установление Советской власти на Дальнем Востоке Я.К.Кокушкин награжден орденом Ленина.

После возвращения в Н.Новгород работал на строительстве автозавода, начальником строительства Сормовского дворца культуры [redacted] /1929г./ Отстаивал идею создания

Сормовского парка культуры и отдыка и строил его, строил новый стадион,пруды вокруг стадиона,был инициатором засыпки р.Параши и создания Юбилейного бульвара на месте ее поймы. Активно участв – ствовал в общественной жизни Сормовского района : инструктор райкома района,создание проводного радио,работа в редакции газеты «Красный Сормович» и много других общественных дел. С 1942 г.- партийно – хозяйственная работа на заводе «Красное Сормово». Он один из трех делегатов от Горьковской области на торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР, Верховного Совета РСФСР, посвященного 60-летию Великой Октябрьской социалистической Революции в ноябре 1977 г. Был персональным пенсионером республиканского значения. Его образ является прототипом красноармейца на скульптурной композиции « Ленин » на площади Ленина в г. Н. Новгороде.

Василий Алексеевич Московкин / тесть Я.К Кокушкина / 1879-1942г
1893-1898гг – чертежник в главном техническом бюро Сормовских заводов.
1898 – 1900гг – разметчик в мостовом цехе завода.
1900 –1921гг – конструктор, ведущий конструктор гл. техническом бюро завода.В 1921г был в числе первого выпуска технических курсов в Сормове, получив среднее техническое образование. Разработчик судовых паровых машин оригинальных конструкций, изобрел конструкцию клапанного парораспределения на судовых паровых машинах мощностью до 1200 л.с. Разрабатывал чертежи танка «Борец за свободу тов. Ленин» / 1920 г./

Виктор Васильевич Московкин 1911 – 1992 гг
Инженер – кораблестроитель.
В годы Великой Отечественной войны работал на заводе « Кр.Сормово конструктором ,заместителем начальника бронекорпусного цеха, зам. начальника управления производством завода по бронекорпусам танков.

В послевоенные годы – начальник судозаготовительного цеха, гл. технолог судостроения,гл. строитель морских судов /подлодок /,гл. тех нолог завода, зам. главного инженера завода.

Лауреат государственной премии 1949 г. за разработку и внедрение в судостроительной промышленности методов скоростного строительства речных судов.. Награжден орденами /4 шт./ и медалями Советского Союза.Персональный пенсионер республиканского значения.

Мэльс Яковлевич Кокушкин 1932 г. рождения
Инженер- механик. Закончил кораблестроительный факультет Горьковского политехнического института.
1956 – 1958 г. Завод «Красное Сормово» - мастер по монтажу и испытаниям оборудования и систем машинных отделений судов в 1-м судокорпусном цехе.
1958 – 1963 г. Старший технолог, начальник технологического бюро 1-го судомонтажного цеха.
1963-1975 г. Заместитель начальника 1-го судомонтажного цеха по подготовке производства.

1-й судоремонтный цех изготавливал крупногабаритные секции,выполнял полный объем работ на стапеле, производил испытания и сдачу кораблей в гавани завода и на базах. В период 1956-1975г.Мэльс Яковлевич принимал непосредственное участие в строительстве всего

надводного флота на заводе «Красное Сормово»: пассажирские дизель-электроходы «Ленин» и «Советский Союз»,сухогрузные теплоходы, танкера, ж\д морские паромы, крановые суда, транспортные доки и др. суда технического и вспомогательного флота.
1975-1992г. Заместитель начальника, начальник достроечного отдела в управлении главного технолога завода. В этот период возглавлял рабо ту на заводе по техническому перевооружению, внедрению новой тех ники и технологии достроечных видов работ: окраска, тепло-звуко изо ляция, гальванохимические покрытия, антигидроакустические, анти-вибрационные и др. виды спец. покрытий, обстройка, отделка помеще ний кораблей, обработка древесины начиная от лесопиления до выпус ка готовых изделий, все виды товаров народного потребления: стираль ные машины, мебель и др.

Ветеран труда,награжден медалями Советского Союза и России.

Мир Яковлевич Кокушкин 1951 г. рождения
Окончил Горьковский гос. университет. Инженер-радиофизик.
1974-1977 гг. – ГНИИ приборостроения. Разработчик радиоаппаратуры
1977-1991 гг.- завод «Электромаш». Инженер – конструктор.
1991-1998 гг.- частный предприниматель – книготорговля и книгоизда ние.
С 1998 г. владелец-руководитель универсальной книжно–канцелярской торговой базой

Андрей Мэльсович Кокушкин 1957 г.рождения.
Инженер – физик.
Ведущий инженер расчетного отдела опытного конструкторского бюро машиностроения- ОКБМ /организация- проектант транспортных атом ных энергетических установок подводного и надводного флота./

Дмитрий Мэльсович Кокушкин 1966 г. рождения
Медбрат. Закончил Сормовское медицинское училище. Работал в хиру ргическом отделении больницы № 12 Сормовского района.
С1990 г. работает в Горгазе инженером по комплектации.

Александр Мирович Кокушкин 1977г. рождения
Окончил Горьковский гос. университет. Математик – программист.
Работает в частных фирмах по специальности.

Алексей Андреевич Кокушкин 1982 г.рождения
Бухгалтер торговой базы.
Студент химического факультета нижегородской политехнической академии.

Александр /1991 г.р./, Яков /1995 г.р./ Кокушкины
Ученики школы № 27 Сормовского района.

При составлении приложения к фотоальбому использованы материалы из

«Яков Детство» – очерк Ю.В. Махалова по дневникам Я.К. Кокушкина.

« Жизнь, отданная заводу» - очерк В.В.Московкина / Хранится у В.В.Московкиной /.

«Записки премьера ДВР».Победа ленинской политики в борьбе с интервенцией на Дальнем Востоке /1917-1922гг./ - П.М.Никифоров. Издательство политической литературы М 1974г.

Мы должны стараться поднять звание и значение члена партии выше, выше и выше.

В. И. ЛЕНИН

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Товарищу Кокушкину Якову Карповичу

члену КПСС с 1917 года

вручен знак

„50 лет пребывания в КПСС"

Партийный комитет

Удостоверение «50 лет пребывания в КПСС»

19.02.2002 Красный Сормович Человек и общество 3

ОМЗ НОВОСТИ

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

ОСТРОВОК ДУШЕВНОГО ТЕПЛА...

ПОТОМСТВЕННЫЙ СОРМОВИЧ

ЯНЬКА

Фрагменты автобиографической повести Я.К.Кокушкина «Янька». публиковались в «Красном сормовиче» (2002, №№ 19,23,26, 33,35)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Финюкова М. Его жизни хватило бы на несколько биографий 3
Потомок старообрядцев 4
Играл на скрипке, писал на эмсперанто 5
На краю света 5
Снова — Сормово 6
Парк, Дворец, Бульвар и многое другое 7
Он не любил деньги 8
Финюкова М Приближавший весну человечества 9
Приближавший весну человечества.
Медиа-презентация к устному журналу 12
Справка о революционной деятельности
Я.К. Кокушкина на Дальнем Востоке 21
Краткая автобиография Кокушкина Я.К. 23
Махалов Ю. Кокушкин Яков Карпович 27
Федоров А. Большевик 29
Шелепенков Б. Родники 40
«Возвращение к жизни» 44
Ковернин В. Сормовскому радио - 60 лет 50
Сормовский радиоузел. 1927 год 53
Кокушкин Я. Воспоминания о строительстве
Сормовского Дворца культуры 54
Кокушкин Я. Парк Культуры в третьей пятилетке 60
Зачинатель пятого этапа трезвеннического
движения в нашем отечестве 63
Илескин Г. Встреча единомышленников 66
Рубцова Л. Вручение знака «50 лет пребывания в КПСС» 69
Памяти товарища. Я.К. Кокушкин 71
Памяти товарища. Л.В. Московкина 73
Из литературного наследия 75
Кокушкин Я. Янька 75
Страницы жизни в фотографиях и документах 123

МУЗЕЙ ИСТОРИИ ЗАВОДА
«КРАСНОЕ СОРМОВО»

Автор - составитель

ФИНЮКОВА
Маргарита Геннадьевна

Редакционный совет музея:
Б.Л. Балин, В.М. Гершман, Т.В. Корягина,
Г.А. Илескин, Ю.К. Меньщиков, В.Н. Сугоров

Компьютерный набор М.Г. Финюкова
Оформление и верстка Г.А. Илескин
Технический редактор Е.А. Миронова